

Максимилиан Борисович Жирнов
Приключения
Кларенса Хантера,
путешественника по мирам

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39445134
SelfPub; 2023*

Аннотация

Повесть в рассказах. Когда-то Кларенс Т. Хантер учился на строителя звездолетов и мечтал о работе инженером на верфи. Но встреча с представителем более развитой цивилизации, а позже трудная и опасная Миссия изменили его жизнь. Отныне его задача – исправлять ошибки высших.

Содержание

Зловещая долина	4
Миссия по ту сторону бездны	21
Проверка	60
Отказ	79
Удар сердца	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Максимилиан Жирнов

Приключения

Кларенса Хантера,

путешественника по мирам

Зловещая долина

Кларенс Т. Хантер осторожно приоткрыл пластиковую дверь с табличкой «аудитория двадцать восемь, управляющие системы». Мысли витали в сотнях световых лет отсюда – на ледяной, безжизненной планете, где так уютно сидеть в теплом кокпите звездолета. И мечтать, вглядываясь в бесконечную снежную кутерьму.

– Студент Хантер? Тяните билет! – резкий голос профессора вернул его из сладостных грез в суровую реальность. Кларенс робко протянул руку к разложенным на столе чуть желтоватым листам бумаги. Скорее бы каникулы! Снова можно будет кататься по ледникам! Только надо выбрать подходящий звездолет. Универсальный, пригодный к полетам в атмосфере и с нужной формой корпуса. Антигравы можно и самому прикрутить.

– Вы не собираетесь отвечать? Следующий...

– Лев Эрнестович, пожалуйста! – Хантер умоляюще сложил руки. – Можно без подготовки?

По мере того, как Хантер монотонно бубнил, пальцы профессора, нетерпеливо теребившие холеную черную бородку, двигались все медленнее. Веки постепенно опускались. Неожиданно преподаватель очнулся и хлопнул ладонью по столу.

– Давайте зачетку! Четыре. Хоть один что-то знает, остальные – ноль на массу!

Кларенс направился к выходу, взялся за ручку двери, но вдруг обернулся:

– Можно вопрос?

– Конечно, – профессор ехидно уставился на студента.

– Почему мы до сих пор распечатываем билеты? Электронная система с генератором случайных чисел справилась бы куда лучше.

Профессор побагровел.

– Ну и вопросы, Хантер! Я думал, вы спросите, почему не пять! Но я отвечаю. У вас есть хоть какие-то понятия о психологии? Поймите, одно дело, когда за глупого студента решает машина, совсем другое – когда он сам определяет свою судьбу!

– Мне кажется, человек выбирает свое будущее на этапе подготовки к экзаменам, – пролепетал несчастный Хантер.

– Мысль, конечно, верная. Но неужели вам никогда не приходилось пропускать занятий по причине, например,

свидания с девушкой, студенческой вечеринки или туристического похода?

– Я никогда не прогуливал без уважительной причины.

– У вас, Хантер, нет души! Нельзя же быть таким зану... рационалистом! В конце концов, есть же еще и традиции!

– Кто бы мне это говорил, – вырвалось у несчастного студента. Поистине «язык мой – враг мой». Эх, все. Конец. Отчислят.

Неожиданно профессор расхохотался. Кларенс поднял глаза и увидел, как трясутся его плечи.

– Вы думаете, я не в курсе, что студенческая братия кличет меня Кровососом? Или считаете, я не мог бы пресечь это на корню? Вы еще желторотый птенец, Хантер. Когда-нибудь вы поймете, что человек должен совершать и нелогичные поступки. К сожалению, сейчас мне недосуг разглагольствовать о смысле жизни. Зовите следующего, у меня еще двенадцать болванчиков. И будьте уверенней в себе. Вы же мужчина!

Хантер медленно вышел из аудитории. Его по-детски наивное, открытое лицо светилось, чистые серые глаза пробежали по завистливым лицам однокурсников, которым еще предстояло пройти последний в этом семестре «круг ада».

– Отстрелялся. Четверка, – едва слышно сказал он.

Рыжий толстяк Алекс бесцеремонно выхватил документ из рук приятеля.

– Скажи, дружище, какую часть тела ты лизал Кровососу?

От него тройка не дождешься.

– Может, я просто хорошо знаю предмет? Я же проводил для вас семинар! Но он просуществовал ровно два занятия. На третье никто не пришел, – Кларенс вздохнул и вопросительно посмотрел на товарища.

– Кто пойдет слушать робота? Ты мог бы немного менять интонацию, когда косишь под препода?

– Не знаю. Мне кажется, строгая и четкая подача материала способствует его усвоению. Ладно, проехали. Не хотите, вам же хуже. Но если ты провалишься, я займусь тобой персонально. И конец твой будет ужасен.

Хантер состроил страшную рожу, закрыл глаза и быстро пошел по коридору, едва касаясь облупившейся стены кончиками пальцев. Тридцать восемь шагов до поворота, четырнадцать до лестницы, тринадцать ступенек, площадка. Скоро каникулы, и тогда...

Маленький короткокрылый звездолет универсальной серии «Еж» вздрогнул и, набирая скорость, устремился по гладкой, как бобслейная трасса, поверхности ледника на заснеженную равнину между горными пиками. На карте продуваемое всеми ветрами плато обозначалось, как Зловещая долина.

За прозрачным фонарем замелькали скалы, сливаясь в сплошное темное месиво. Хантер, нежно держа ручки управления, едва заметными движениями удерживал машину точ-

но по центру белоснежного языка, тысячелетиями отполированного природой. Снежные вихри взвивались по бортам. Мириадами сверкающих брызг разлетались ледяные торосы. Черно-белый мир за прозрачной броней казался цветным, а холодное желто-оранжевое солнце над головой ласковым и теплым, будто на первоклассной курортной планете.

Несколько поворотов и расселин остались позади. Звездолет вышел на хорошо знакомый прямой участок. Скорость выросла. Внезапно, словно из ниоткуда, прямо перед носом встала сплошная каменная стена.

Землетрясение? Обвал? Хантер хватанул ручку на себя, машина почему-то не отреагировала. Пальцы автоматически щелкнули тумблерами резервной системы управления – бесполезно. «Прощай, жестокий мир»...

Звездолет рухнул к подножию вертикальной скалы. Острый нос врезался в каменный массив. Высоко в небо взлетели обломки, чудовищная перегрузка оборвала ремни...

Хантер пронесся навстречу призрачному сиянию и кувыркком полетел по твердому холодному полу. Поднялся на ноги, вдохнул прохладный сухой воздух и остолбенел: по сводчатому тоннелю куда-то вверх бежали ступени эскалатора. На балюстраде ярко сияли фонари, где-то внизу ровно гудели механизмы.

Хантер ухмыльнулся и погрозил кому-то пальцем: нет, его так не купишь. Он обернулся, и пошел было назад. Увы. Масивную металлическую дверь вряд ли взял бы даже заряд

взрывчатки.

Хантер немного помедлил и робко ступил на эскалатор. Он поднимался несколько минут, внимательно разглядывая оштукатуренные стены. Поначалу они были гладкие, словно кто-то недавно ремонтировал тоннель. Но чем выше, тем больше трещин появлялось на штукатурке и тем меньше оставалось рабочих фонарей на балюстраде. Наконец ступени сложились в ленту. Хантер шагнул, под ногами захрустели осколки стекла.

Наверное, когда-то здесь был заводской цех: оборванные жгуты проводов разноцветными змеями торчали из разбитых станков. В углу медными зубами силовых шин ощерился искалеченный распределительный щит. Полустертые буквы на обшарпанной колонне гласили: «Пища богов». Неужели загробный мир выглядит именно так?

Что-то громко щелкнуло. Под потолком заморгали старинные люминесцентные лампы. Надрывно завизжала уцелевшая кранбалка. Хантер едва не укусил себя за палец: на разрисованном диковинными письменами подобии трона сидела девица в белом балахоне и длинном островерхом колпаке. Лицо ее закрывала золотая маска. Длинные светлые локоны спадали на плечи. В руках она держала пульт управления с крупными красными и зловеще-черными кнопками.

– Минутку, – прошептала она, и кранбалка под потолком сдвинулась с места, раскачивая трон.

– Кто ты? – громовой голос незнакомки многократно от-

разился от стен. – Зачем пришел ко мне?

– Кларенс Ханте... да как будто сама прочитать не можешь? На куртке написано.

Девушка отложила мегафон и заговорила на удивление мелодичным голосом:

– Никак не пойму, зачем тебе понадобилось спускаться по леднику таким безумным способом?

Хантер увидел себя в кокпите звездолета. Окутанный снежной пеленой, он мчался вниз, на белое плато между горных вершин.

Сердце ушло в пятки: переключатель компенсатора перегрузок стоял в положении «выключено». Хантер усмехнулся: значит, это все-таки ад и он разговаривает с потусторонним созданием. Теперь можно болтать, что хочешь. Хуже не будет.

– Не можешь понять? Тыква не шурупит? – ехидно выкрикнул Хантер.

– Нахал! Я тебе ноги оторву! – взъелась девушка.

– Ты убьешь меня второй раз? На том свете? – Хантер презрительно сложил на груди руки.

Девушка ступала и забормотала:

– Нет, это надо же, а? Как ты подвернулся мне под руку? Я должна исправить то, что натворила...

Она элегантно закинула ногу на ногу и продолжила более уверенно:

– Когда-то давно передо мной падали ниц. Считали то ли

за демона, то ли за ангела. Так я жду ответа.

Почему бы и не поболтать? Не каждый день встречаешься со сверхсуществом.

– Я развлекаюсь после трудных экзаменов. Мне нравится одиночество, я люблю кататься по леднику. Успокаивает. Как мне к тебе обращаться?

Девушка ухмыльнулась. Непостижимым образом это было понятно даже сквозь маску.

– Называй меня Анесия.

– Аннексия?

– Перестань ерничать. Можно чуть больше уважения? В конце концов, я все-таки для тебя что-то вроде богини. Добра, разумеется.

Анесия качнула головой. Верх колпака описал дугу.

– А ты ничего, белобрысенький такой, худенький... Ростом, правда, не вышел, ну да ладно. Пойдем, потанцуем, что ли?

Прежде, чем Хантер успел удивиться, Анесия встала со своего трона и вложила в его ладони теплые и влажные пальцы.

– Не надо корчить изумленную физиономию, – едко сказала она. – Я приняла наиболее удобный тебе облик. Думаю, ты сам это сообразил.

Держась за руки, они закружились в невиданном танце среди разбитых механизмов и квадратных колонн. Анесия сорвала с лица золотую маску и отшвырнула ее в сторону.

Вместо металлического звона раздался негромкий стук. Наверное, какой-то композит.

Хантер попытался отвести взгляд от чувственных коралловых губ, маленького чуть вздернутого носа. Безуспешно. Сверхчеловеческая красота богини не отпускала, притягивала к себе, как черная дыра притягивает бессильный убежать от нее луч света. Сопротивление бесполезно.

Анесия приложила руку Хантера к своей щеке. Он ощутил ее шелковистую кожу без единой морщинки. Она провела его ладонью по небольшой упругой груди, прижалась к нему стройным податливым телом и вздрогнула, словно по ней пробежала электрическая искра.

Внезапно васильковые глаза полыхнули ослепительным пламенем, сжигая душу Хантера ледяным огнем. Обшарпанные бетонные стены раздвинулись, и его сознание слилось воедино с живительным разумом богини. Хантер провалился в сверкающую бездну.

«Даже я совершаю ошибки... Тебе придется стереть эти ошибки. Вычистить их за мной». «Какой пафос» – вспыхнула на секунду последняя человеческая искра, прежде чем погаснуть под ураганом чуждого интеллекта. Хаос разнородных знаний выстроился в совершенный узор. В нем нашлось строго отведенное место каждой частичке, каждой незначительной детали мироздания. За исключением самого Хантера.

Он повис вне пространства и времени в потоках пульси-

рующей тьмы. Ласковые прикосновения к самым потаенным уголкам разума не нарушали ощущения неземного блаженства. Наверное, то же самое чувствует модуль памяти, отдавая данные центральному процессору.

Когда же сияние померкло, стройная мозаика распалась, развалилась хаосом миллионов мельчайших осколков. Но в мгновение ока она собралась в новом порядке, доступном и понятном жалкому человеческому разуму.

Внезапно Хантер непостижимым образом очутился в центре городской площади. Вокруг высились старинные небоскребы из стекла и бетона. Откуда-то из-под земли выросли неприступные зеркальные стены, и площадь превратилась в лабиринт с мириадами отражений.

Хантер улыбнулся, закрыл глаза, коснулся кончиками пальцев гладкой поверхности, и двинулся вперед, считая шаги.

Он брел, упираясь в многочисленные тупики, сворачивая в бесконечные проходы и постоянно какое-то чувство, ощущение бессмысленности мешало ему концентрироваться, сбивало с пути. Это бесило, но у Хантера было поистине железное терпение.

Словно робот, он переступал ногами, стараясь изо всех сил не сбиться со счета и не пропустить закоулок, который, он это точно знал, вел к свободе. В конце концов, ему удалось нащупать верный путь, и после нескольких поворотов под толстой подошвой хрустнули осколки. Хантер вырвался

из цепких объятий чужого разума и очнулся в разрушенном цехе.

Анесия села на трон и закинула ногу на ногу. Ее светлые волосы торчали из-под островерхого колпака в разные стороны, точно змеи медузы Горгоны.

– Ну, ты и неудачник, – укоризненно сказала она. – Чтобы выйти из лабиринта, надо было всего лишь касаться стены правой рукой! Ты же прошел его, что называется, одной левой! Я поражена.

– Могла бы подсказать, – обозлился Хантер.

– Я пыталась! Но ты уперся рогом и пер напролом, как тяжелый танк! Упрямство – это просто чудесно, но надо искать изящные решения!

Неожиданно у Хантера словно полыхнула в мозгу зарница.

– Я чувствую себя предателем, – с горечью сказал он, понимая, что его просто-напросто использовали. – Теперь твои сородичи могут явиться и взять нас тепленькими. И виновен в этом только я.

Анесия рассмеялась:

– Не надо мыслить примитивными понятиями. Во Вселенной миллиарды планет у миллиардов звезд в миллиардах галактик. А если и этого не хватит... что ж, тогда есть триллионы световых лет вакуума.

– Для чего же тогда ты здесь? – озадаченно спросил Хантер.

– Правильный вопрос. Мы наставляем заблудшие цивилизации на путь истинный. Чуть не забыла: ты никогда не думал, почему языки на разных планетах одинаковые? Синхронизированные миры – это наша работа! К сожалению, мы не везде успеваем, и кое-где планеты развиваются сами по себе.

– Какое у вас есть на это право, вы, дирижеры? – возмутился Хантер.

– Мы не железные! Нас достало смотреть на вашу гибель! Глупыш, не льсти себе! Твои предшественники не смогли проникнуть в дальний космос и за миллиард лет – их сожгла собственная угасающая звезда! Но к вам мы успели вовремя.

Неожиданно Хантер развеселился:

– Да и ладно. У меня голова почти пустая. Вот если бы к тебе попал Лев Эрнестович, было бы куда хуже! А если бы в твоих руках очутился мой рыжий приятель, вы бы поняли, что такое настоящая катастрофа!

Анесия встала со своего места и подняла пульт управления кранбалкой.

– Последний вопрос! – взмолился Хантер. – Если вы помогли нам выжить, то кто в свое время помог вам?

В синих глазах отразилось недоумение. Анесия прикрыла рот рукой и прошептала:

– Я... Мы не знаем. Никто из нас никогда об этом не задумывался. Может, ответ знают сингуляры?

Она обняла Хантера и прижалась мягкими влажными гу-

бами к его пересохшему рту.

– Помни: твое предназначение – исправлять мои ошибки...

– А вы сами не можете? – быстро промолвил Хантер.

– Тебе лучше знать, что может помешать вам же. На всякий случай я дам тебе совет: всегда носи с собой оружие. Нет приема против лома... И до свидания... брат.

Хантер вновь встал на эскалатор, теперь его ступени двигались обратно, вниз. Когда он спустился, перед ним гостеприимно распахнулась до того запертая металлическая дверь...

Хантер очнулся в кокпите, он сидел в кресле пилота, уткнувшись лбом в приборную панель. Он вспомнил черную скалу, разрушенный цех и сверхсущество, которое... Но что же тогда произошло?

Звездолет лежал в долине, у подножия белой змеи ледника.

«Незначительные повреждения атмосферного стабилизатора. Отказ гравитационных сенсоров. Обратитесь к ближайшему роботу-механику. Уровень силовых полей восстанавливается» – проревел механический голос информатора. Хантер нащупал привязные ремни и с ужасом понял, что они оборваны. Глянул на левую консоль – переключатель компенсатора перегрузок стоял в положении «выключено». Очевидно, его можно задеть рукой. Необходимо поставить защитный колпачок или даже перенести тумблер в другое ме-

сто.

За прозрачной броней поднималась снежная круговерть. Начинается буря, скоро видимость упадет до нуля, и взлетать будет рискованно – без сенсоров запросто можно въехать в какую-нибудь вершину. Надо торопиться. Хантер запустил программу, и окутанная белой мутью поверхность планеты ринулась вниз.

Звезды расступились, и космический корабль провалился в «котовую нору». Хантер задумался: стоит ли рассказывать обо всем? Но, в конце концов, никто не брал с него обещания молчать.

Едва оглушительная трель звонка эхом прокатилась по коридору, Хантер пулей вылетел из аудитории и помчался к преподавательской комнате. Рванул дверь и услышал возмущенный голос сидящего за столом человека:

– Тебя стучаться не учили? Невежа!

Вытаращив глаза, Хантер набрал в легкие воздуха и выпалил:

– Лев Эрнестович, со мной такое случилось!

Профессор прикрыл глаза, наблюдая за Хантером взглядом сытого тигра. Преподаватель соединил кончики пальцев, пожевал губу и лениво произнес:

– Хантер, я вас не узнаю. Чесслово. Прикройте, пожалуйста, окно – сквозит.

Хантер захлопнул форточку.

– Теперь рассказывайте, – приказал Лев Эрнестович.

Хантер прыгнул к столу и, нервно комкая чистый лист бумаги, выложил преподавателю все, что сумела зафиксировать его цепкая память. Он не утаил ни единой детали или самой незначительной подробности.

Улыбка на лице профессора становилась все шире, наконец, он, фигурально выражаясь, расхохотался прямо в лицо студенту.

– Нет приема против лома? У вас слишком бурная фантазия, молодой человек! – сказал Лев Эрнестович после того, как перевел дух. – Вы, наверное, выбрали не ту профессию. Переводитесь в литинститут и попробуйте себя в написании фантастических романов.

У Хантера подкосились ноги. Он плюхнулся на первый попавшийся стул, изо всех сил стараясь не разреветься, как провалившая экзамен первокурсница.

– Но это правда, – прошептал он. – Я хотел обратиться в Совет развития.

– У вас есть доказательства? Или это всего лишь выдумки неокрепшего мозга, подпитываемые юношеским максимализмом? Ты не представляешь, сколько таких, как ты, направляют на консультацию к психиатру!

– Я составил список повреждений...

– Что тебе сказали в пункте проката? – жестко перебил его профессор.

Хантеру показалось, будто на него взглянул демон.

– Они поблагодарили меня.

Лев Эрнестович сдвинул брови.

– И все? Обошлись отговорками. Лентяи, – профессор пощипал бородку. – Хантер, Вы обнаружили серьезный просчет в эргономике панели управления звездолетов класса «Еж». Что касается остального, я забуду наш разговор. Будем считать, что его не было.

– Как не было? Что же делать? – Хантер сжал край стола так, что белый пластик захрустел.

– Держать язык за зубами. Если, конечно, не хотите всю оставшуюся жизнь летать только в качестве пассажира и прозябать без возможности занять мало-мальски ответственную должность. На ваше счастье я был один в комнате. Не переживайте: все, что здесь сказано, не выйдет за пределы этих стен.

Потрясенный Хантер направился к выходу, зачем-то волоча за собой равнодушный к его личной трагедии металлический стул. Лев Эрнестович остановил студента у самой двери:

– Студент, не выносите мебель из преподавательской. Задержитесь на минуту.

Хантер поставил стул на место и вопросительно взглянул на профессора. Тот снова пожевал губу и просто сказал:

– И все-таки она прекрасна, верно? Я сам побывал там, за гранью и прекрасно вас понимаю. Но помните: остальные вам не поверят. Никогда.

Хантер захлопнул дверь и медленно побрел по коридору, едва касаясь недавно окрашенной стены кончиками пальцев.

Миссия по ту сторону бездны

Хантер закинул конспекты, учебник и портативный компьютер в пухлый армейский ранец, взвалил его на спину и, шаркая тяжелыми ботинками по светлому пластику пола, вышел из аудитории. Спустился по мраморной центральной лестнице и сразу забыл об экономии сил: однокурсники, собравшись в кружок, что-то оживленно обсуждали. Разве такое можно пропустить?

– По-моему, герой фильма – полный кретин. Отправиться вдвоем с напарницей на планету, полную кровососов! – ухмыльнулся рыжий толстяк Алекс.

– А я вообще не понимаю, почему действие вампирских сериалов всегда происходит возле экватора или в средних широтах? Я бы перенес действие куда-нибудь ближе к полюсу, где на планетах класса М одна дооолгая ночь! – Хантер, для которого существовало только его собственное «личное пространство», схватил Алекса за пиджак.

– Полегче, дружище! – отличник и гордость университета буквально отодвинул наглеца. – И чем бы они там питались? Сосали кровь у пингвинов?

– Нет, у аборигенов, приятель, у аборигенов!

– Ша! – вдруг сказал рыжий. – Кровосос!

К студенческой компании подошел Лев Эрнестович – заместитель декана.

– Кто еще не сдал тест на тренажере? – резко спросил он, пригладив черную бородку.

Хантер сделал вид, что не услышал вопроса.

– Хантер, ты? Кто не пройдет испытание, к экзаменам допущен не будет!

– Но я не смогу! У меня нет времени! – возопил несчастный студент.

– Ничего не знаю. На меня тоже давят. Мне пришла разнарядка, чтобы тест прошли все. Не знаю, для чего это нужно Совету развития. Так что будь добр, найди время.

Хантер вздохнул и поплелся на второй этаж. В конце концов, тренажер ни к чему не обязывает.

В большой комнате белые металлические шары в два человеческих роста ждали новую жертву. «Выберите романтику вместо скучной рутины? Пройдите тест и вступите в Десантный корпус!» – гласил криво прилепленный к стене плакат. Улыбающийся офицер показывал на дверь с надписью «Призывной пункт».

Хантер пригладил отклеившийся уголок, приложил руку к считывателю ДНК, и на выпуклой глади открылся черный проем. Еще одно подтверждение личности – дверь автоматически захлопнулась. Все, назад дороги нет, только в пыточное кресло. Перед изумленным Хантером вспыхнула голубоватая надпись:

«Проба номер один: найдите на картинке цифры от одного до восьмидесяти девяти».

После прохождения четырех проверок на внимательность, Хантер пришел в восторг. Он с легкостью нашел отличия в картинках, в момент решил задачу на сортировку, и за несколько секунд вернул двадцать перемешанных предметов на свои места, не допустив ни единой ошибки. Пятое испытание он едва не провалил – по его собственному мнению. Удержать шарик в центре движущегося лабиринта оказалось почти непосильной задачей. Наконец мелодичная трель звонка возвестила о главной части теста. Панорамный экран заискрился звездной пылью, и голубоватые буквы, падая с разных сторон, сложились в слова:

«Тренировочное задание: пролетите через ворота и поразите мишени»...

Через два часа экраны погасли, щелкнул автоматический замок. Дверь бесшумно открылась. Хантер взвалил на плечи рюкзак, спустился по парадной лестнице и понуро побрел по дорожке, закрыв глаза. Он открывал их каждые пятнадцать секунд, запоминая и анализируя обстановку, выстраивая в голове маршрут. Группа студентов чуть слева, девушка прямо по курсу... боже, что за сооружение у нее на голове? Хантер взял чуть в сторону и разминулся с неизвестной студенткой. А это еще кто? Ба, рыжий Алекс! Однокурсник обнимал за талию стройную накрашенную девицу.

– Жених и невеста, тили-тили-тесто! – заорал Хантер.

Дама недовольно поморщилась.

– Слушай, а я прошел тест... – Хантер едва не задохнулся.

От рыжего отвратительно разлило духами.

– Да ну? – Алекс демонстративно поцеловал млеющую подружку в шею. – Не может быть! Да там скукота одна, кроме последнего этапа.

– Наоборот, отпад! – возразил Хантер. – Такие классные головоломки. Потом, правда, все выродилось в стрелялку. С кораблем-маткой пришлось повозиться. Еле угрохал.

Алекс широко улыбнулся:

– Да ведь ее совсем просто валить! Ракетами! Вот цифры и буквы эти проклятые...

Хантер схватил приятеля за плечо:

– В самом деле, я никак не могу понять логику. Почему тест закончился так неожиданно? Я бы кое-что переделал.

Алекс выхватил у него рюкзак и выудил оттуда толстый том с изображением звездного крейсера на обложке.

– Справочник Джейн! Ха! Лучше найди себе подружку!

– Не знаю. – Хантер почесал затылок. – Как-то не очень получается. Наверное, не судьба.

– Может, для начала хотя бы рубашку выгладишь? И посмотри, что у тебя на башке!

– Фи, сероглазик, – ухмыльнулась девица.

Алекс брезгливо прикоснулся к светлой шевелюре приятеля. Хантер шмыгнул носом, забрал у однокурсника ранец и побрел в свой коттедж.

Люди в серой форме пришли прямо на экзамен и, к вящей

радости почти уснувшей экзаменационной комиссии, оборвали монотонно-заунывную речь Хантера на полуслове:

– Служба вербовки, Десантный корпус! Вы нам нужны! Прямо сейчас!

Лев Эрнестович поднял руку.

– Профессор, не протестуйте, – оборвал его старший, в форме капитана. – Это не обсуждается. Наш визит связан с результатами теста. Время не ждет.

– И поставьте ему хорошую оценку, пожалуйста, – сказал второй десантник – судя по погонам, лейтенант.

Офицеры буквально выволокли Хантера на станцию и толкнули в пригородный поезд. Утопающие в зелени белые трехэтажные коттеджи студенческого городка качнулись и уплыли назад. Результаты испытания? Почему такая спешка? Нехорошие мысли роились в голове. Но когда железная дорога начала огибать посадочную площадку космодрома, и в окне показались звездолеты, все страдания вылетели из головы. Хантер прилип к стеклу, бормоча про себя классификацию рукотворных космических бродяг.

Офицеры вытолкнули его из поезда и потащили к десантному челноку. «Шайенн», – в смятении прошептал Хантер.

Похожая на жука машина рванулась вверх, как пробка из бутылки, и через несколько минут всплыла в шлюз тяжелого крейсера. Интересно, почему никто не закрыл шторками иллюминаторы?

– А неплохо у вас автоматика работает. Эй, вы, носопыр-

ки! Чего молчите-то? – распинался Хантер.

Его грубо втолкнули в каюту и оставили одного. Без еды и воды.

Несколько часов Хантер валялся на жесткой, без матраса, койке и безнадежно смотрел в потолок. Что с ним сделают? Может, он где-то провинился и подлежит суду военного трибунала? Но его власть распространяется только на десантников и астронавтов Звездного флота. К обеим структурам Хантер не имел никакого отношения. Он всего лишь хотел строить космические корабли! А летают на них пусть другие.

Когда через несколько часов дверь открылась, он запротестовал: плюхнулся на койку и демонстративно отвернулся. Тогда два уже знакомых офицера схватили его под руки, проволокли ярко освещенными коридорами, втоптали в какой-то кабинет и швырнули под ноги коренастому мужчине с мрачным лицом. Хантер сложил руки на груди и нахально уставился на зазывные плакаты на стенах. «Смените рутину, вступайте в Десантный корпус! Вы нам нужны» – нарисованные brave солдаты ровным строем маршировали в космический челнок. Все это было похоже на то, что висело в комнате со злополучным тренажером.

– Поднимите его, – прозвучал приказ.

Хантер моментально оказался на ногах. Только сейчас он разглядел нашивки и многочисленные орденские планки. Военный покусал губу и продолжил:

– Не время шутки шутить. Нам пришлось пойти на край-

ние меры. От лица Десантного корпуса приношу свои извинения за нарушение принципа добровольности.

– Надеюсь, мне дадут чего-нибудь погрызть, – пожал плечами немного пришедший в себя Хантер. – Только при чем здесь моя скромная персона?

– При том, молодой человек, что из миллионов кандидатов система выбрала тебя. С большим отрывом. У нас немного пилотов челноков: эта должность считается не очень престижной. Солдаты считают «летунов» неженками и выскочками. Ни один из наших офицеров не прошел тест, несмотря на немалый опыт. А ты – прошел.

– А я думал, мои достижения далеки от идеала.

– Результаты теста не обсуждаются. Времени разбираться, почему так, у нас нет. Предлагаю тебе стать пилотом-десантником.

– И променять рутину на романтику?

Офицер улыбнулся кончиками губ и указал на портативный считыватель ДНК:

– И променять рутину на романтику. Если ты согласен, поставь подпись. Врать не буду: тебе предстоит трудная и опасная Миссия. Возвращение сомнительно. Но мы рассчитываем на твою преданность долгу.

– А кто все это придумал? Кто разработал тест?

Офицер посмотрел на дверь и едва слышно прошептал:

– Вилли Пат. Действительный член Совета ученых и ведущих инженеров.

Значит, пресловутый Ученый совет, высший и тайный орган власти в Галактике действительно существует? Никто не знал, кто входит в его состав и где собираются его всемогущие члены. Разумеется, никто не затыкал никому рот, но любая информация объявлялась недостоверной и считалась слухами. Все это было умно, таинственно и... страшно.

– Так бы и сказали, что у меня нет выбора, – Хантер, бросааясь в бездну неизвестности, прижал руку к регистратору.

– Отлично! – оживился офицер и нажал кнопку коммуникатора. – Сержант Уильям Логан, зайдите ко мне!

В кабинет вошел высокий статный мужчина. Казалось, он родился в военной форме – она сидела на нем, как влитая. На брюках, кроме идеальных стрелок, не было видно ни единой складки.

– Сержант Логан явился по вашему приказанию, сэр!

– Определите новобранца Хантера в казарму, выдайте обмундирование и поставьте на довольствие. С завтрашнего утра займетесь строевой и физической подготовкой. Да, побрейте его наголо – и в душ! А то он превратит крейсер в рассадник вшей!

– Постойте! – возопил Хантер. – Строевая... что?

– Разговорчики! Курс молодого бойца я за тебя проходить буду? Теперь ты – курсант! Отныне сержант Логан и первый уорент-офицер Спанкмайер – твои профессора и деканы!

– А вы-то кто?

– Виноват. Я – полковник Джеральд Манн, командир де-

сантной группы тяжелого крейсера «Тикондерога», на котором ты имеешь честь находиться. Прошу любить и жаловать наш ковчег! Надеюсь, ты вольешься в коллектив. А если нет, я сам вышвырну тебя в космос. Без скафандра.

Полтора месяца подготовки показали Хантеру сущим адом. Постоянная строевая муштра и физподготовка сменялись зубрежкой уставов. И, как будущий пилот, Хантер изучал и готовил к вылету учебный «Шайенн». К вечеру он валился на койку, как убитый. Утром все начиналось сначала.

Единственным светлым моментом в уставном кошмаре была стандартная импульсная винтовка М41. За стрельбу Хантер удостоился скупой похвалы сержанта и попал на доску отличников огневой подготовки. Но за форму бывшему студенту влетало вдвойне.

– Почему брюки висят, курсант? – под издевательские смешки строя кричал сержант прямо в лицо подопечному. – Затянуть ремень! Ты солдат или мешок с тряпьем? Два круга с полной выкладкой бегом марш!

– Так точно, сэр, – пролепетал Хантер, вызвав еще большее раздражение Логана.

– Не «так точно, сэр», а «есть, сэр»! В свободное время вместо отдыха будешь повторять устав!

Наставник побагровел и заорал, раздувая ноздри, словно разъяренный бык:

– Заруби себе на носу: «так точно» и «есть» – разные от-

веты! В бою путаница может дорого обойтись твоим товарищам, если тебе наплевать на собственную задницу! Три круга бегом, марш!

– Есть, сэр, – под смешки и улюлюканье строя Хантер, от обиды едва не обливаясь слезами, бросился выполнять приказание.

Через две недели муштры и унижений, на утреннем построении Логан гаркнул:

– Курсант Хантер, на сегодня строевая подготовка отменяется! Поступаете в распоряжение пилота – уорент-офицера Спанкмайера!

– Есть, сэр!

Пилот – похожий на загнанного ослика мужчина с печальными синими глазами, открыл переходной люк учебного челнока с номером «2». Хантера он пропустил в застекленный, выступающий вперед нос, сам же занял место инструктора сзади.

– Вообще-то, сначала положена тренажерная подготовка, – как бы извиняясь, сказал Спанкмайер. – Но я предпочитаю не тратить время даром. Может, тебе летать в принципе не дано, несмотря на тест?

Катапульта швырнула челнок в космос. Звезды засверкали веселыми искорками. Прямо над головой, укутанная рваными космами облаков, раскинулась поверхность учебного планетоида. Хантер осмотрел приборы: не считая панели вооружения, управление не сложнее туристического звездоле-

та. Даже проще – нет межзвездных режимов!

– Попробуй порулить немного, – раздался в наушниках тихий голос Спанкмайера.

Хантер покачал челнок, добавил и прибрал тягу. Попробовал отойти подальше от крейсера. Машина чуть инертная, немного неуклюжая, но все же... Хантер резко развернул и сориентировал челнок носом по орбите. Хотел потянуть ручку ускорителя, она не двинулась с места. Инструктор держал ее мертвой хваткой.

– Стоп! – сказал он. – Неплохо! Университет, факультет, специализация, курс?

– Звездоплавания, строительство звездолетов, безопасность и защита, четвертый, – четко ответил Хантер.

– Класс гражданской лицензии?

– Второй, сэр!

– Так... – инструктор на секунду задумался. – Рискнешь в атмосферу? На руках?

– А куда, сэр? Карта, ориентир?

– К черту карту! Почти на экваторе – горная вершина! Её только слепой не заметит! Плотность атмосферы – ноль, девяносто четыре!

Далеко впереди облачную пелену прорвала маленькая черная заноза.

Хантер пробежал глазами по приборам, прикинул орбитальную скорость, траекторию снижения, тормозной импульс. Дыхание перехватило. Ну, сейчас он покажет, что

умеет...

Спанкмайер выжидал, наблюдая за действиями Хантера. Планетоид поворачивался, черная иголочка постепенно росла, она резала рваную белую вату, словно торчащий вертикально нож. Максимальный угол входа в атмосферу для челнока «Шайенн» составляет... Хантер потянул рычаг ускорителя, и через несколько секунд кабину осветило бушующее за бронестеклом пламя. Положив ладони на ручки управления, он едва заметными, ленивыми движениями удерживал машину на траектории. На секунду Хантер глянул на инструктора – руки пилота покоились на коленях.

Наконец стихия за бортом унялась, и челнок пронизал белесую пелену. Внизу поплыли мрачные серые скалы. Если здесь навернуться – пиши пропало.

– Аэродинамические плоскости! – крикнул Спанкмайер.

– Пока не нужно, сэр, – ответил Хантер. – Корпус создает достаточную подъемную силу. Если ее не хватит, двигатели изменят вектор!

– Ха! Ну, как знаешь!

Прямо впереди выросла гигантская стена – тот самый пик-ориентир.

– Справа уступ! Садись туда! – крикнул инструктор.

Хантер выпустил опоры и опустил машину на плоский выступ скалы. Слева темнела бездонная пропасть. Справа, прямо за бронестеклом, уходила ввысь аспидно-черная гладь.

– Передохни, пока крейсер не сделает виток. Надеюсь,

с взлетом и стыковкой у тебя проблем не будет, – сказал Спанкмайер и вдруг добавил: – Мы только что едва не гробанулись.

– Как? – Хантер ответил совершенно спокойно, не понимая еще, что произошло.

– Я дурак, – ответил инструктор. – Это учебный челнок, у него другие ограничения. Могли развалиться на мелкие кусочки. Но все обошлось. Кто ж знал, что перворазник устроит мне скоростной спуск в ад?

– Я так девчонок на планетолетах катаю, – наивно сказал Хантер. – Должен же я показать им, на что способен.

– И как результат? – поинтересовался Спанкмайер.

– Больше одного раза никто не выдержал. Некоторых... выворачивает. Не понимают они ничего.

– Лошара ты, курсант Хантер. Девушки – это цветы, понимаешь? Нежные, хрупкие. А ты их – сапогами! Грубо и с особым цинизмом! Не у всех же за спиной сотни посадок! Всему тебя учить надо, ястребенок!

Через полчаса Хантер вывел челнок на орбиту, нашел локатором крейсер и загнал «Шайенн» во второй шлюз. Когда Спанкмайер снял шлем, его глаза улыбались. Но сам он был серьезен.

– Считаю, что сегодня ты сдал экзамен по пилотированию, – пробурчал он. – Я доложу командиру. Остались тактическая и огневая подготовки. Плюс применение ракет. Скучный ты человек, курсант Хантер. А я-то надеялся на развле-

чения. Но, честно скажу: таких пилотов, как ты, я еще не встречал. Тот, кто создавал тест, знал свое дело.

Всё – и хорошее, и плохое, имеет свойство заканчиваться. Наконец настал день принятия присяги. Хантер, стоя с винтовкой возле звездно-синего полотнища, торжественно поклялся до последнего вздоха защищать человечество. Какой пафос. Но теперь придется, если что, отдать жизнь, спасая невинных людей. Здесь уж ничего не попишешь.

После церемонии командующий скептически оглядел Хантера и сделал ему выговор:

– Форму корова жевала? Или ты весь день лазил по джунглям? Еще месяц-другой, и мы бы сделали из тебя заправского служаку. Не хочешь – заставим, не можешь – научим. На твоё счастье, столько времени у нас нет.

Полковник вручил Хантеру «крылышки» пилота и нагрудный погон:

– Подготовка окончена. Специальным приказом тебе присвоено звание второго уорент-офицера. Это не все: твои предложения по доработке импульсной винтовки приняты Комитетом по вооружению. Так что поздравляю тебя дважды.

Больше над Хантером не смеялся ни один солдат.

Планета со странным названием Полигон неприветливо встретила «Шайенн» песчаной бурей. Серая круговерть непроницаемым одеялом укрыла бетонную площадку кос-

модрома. Хантеру пришлось повозиться со слепой посадкой по радиолучу. Ничего, и не такое видали. Надо всего лишь удерживать перекрестье двух линий в центре экрана – и попадешь, куда надо. И верно: вот он, посадочный круг, прямо перед глазами. Еще секунда, и посадочные опоры стукнули о бетон

Сержант Логан, которого Хантер сам назначил себе в помощники, открыл дверь и едва не задохнулся. К челноку подбежал человек в маске и протянул два дыхательных аппарата и очки:

– Держите! В этой распроклятой пыли невозможно дышать! Профессор уже заждался! За мной!

Хантер кое-как продрался сквозь плотный, горячий, словно расплавленное стекло, воздух и вошел в тоннель. Со стуком закрылся шлюз, и жуткие стоны ветра смолкли. Незнакомец снял маску, проводил гостей в кабинет с надписью «Директор» и незаметно исчез, словно не хотел иметь с ними ничего общего.

За столом, глядя в монитор, сидел великан в твидовом пиджаке и брюках. Волевое, решительное лицо и квадратный подбородок говорили сами за себя. Начальник. Нет, большой начальник.

Увидев Хантера, он оторвался от экрана и недоверчиво посмотрел на него ленивыми, как у трубказуба, зелеными глазами.

– Вы – пилот? – наконец спросил он на удивление прият-

ным баритоном.

– Второй уорент-офицер Кларенс Хантер прибыл в ваше распоряжение!

– Будем знакомы. Я – директор центра разработки вооружений профессор Невтриносов Трофим Федосеевич.

– Член Ученого совета?

– Разумеется. На Полигоне это ни для кого не секрет.

Ученый встал. Его рост поражал: Хантер не доставал ему даже до плеча.

– Ты готов? – спросил Невтриносов.

– Нет, конечно!

– Наплевать! За мной!

Профессор схватил Хантера за руку и потащил по бетонным коридорам. Тренированный Логан еле поспевал за ним: наверное, ученый запросто мог бы стать чемпионом Галактики по бегу. А может, когда-то давно им и был.

Швырнув обалдевшего от неожиданности Хантера в крытый ангар, Невтриносов нетерпеливо крикнул:

– Да посмотрите же сюда! Это я его создал!

На металлической площадке под прозрачной крышей стоял маленький, не более десяти метров длиной, атмосферный истребитель. Хантер с удивлением воззрился на странную машину: ничего подобного он не видел ни в одном справочнике. Треугольное крыло с выдающимися вперед длинными законцовками, резко скошенные кили. Странные наплывы с шестью отверстиями по бокам кабины пилота. Любопытный

экземпляр.

– Понимаете, если послать туда обычную боевую единицу, она израсходует боезапас и останется беззащитной! «Луч» – совсем другое дело. Он способен утилизировать их боеприпасы! – выкрикнул профессор.

– Я чего-то ничего не пойму. Чьи – их? Мне так ничего никто и не объяснил! – спокойно, без эмоций сказал Хантер. – Что за секреты? Это нарушает закон о доступе к информации!

– Тебе ничего не сказали? Серьезное дело, – профессор погладил квадратный подбородок. – Нет времени объяснять: просто выполняй свой долг. А пока добро пожаловать.

Сержант откинул фонарь и помог Хантеру забраться в кабину. Радар, панель выбора оружия, часы, пара многофункциональных дисплеев, да указатели уровней энергии, брони и защитных полей – вот и вся арматура. С такой справится даже ребенок. Конечно, есть и обязательный индикатор на лобовом стекле – куда уж без него. Но нет никаких изысков вроде системы виртуальной реальности или сенсорного управления. Все просто и надежно. Как и должно быть в любой военной технике.

Динамики по обеим сторонам приборной панели завывали, и Хантер едва не выпрыгнул головой в потолок. Без катапульты.

– Кхм... Проверка, проверка... Ла-ди-даааа... Страшно... – игриво пропел голос Невтриносова. – Кабина кажет-

ся великоватой, не переживай, ты будешь в легком бронекостюме.

– Сиденье слишком жесткое. Так и должно быть?

– Это потому что ты сел на руководство по эксплуатации. Хантер вытащил из-под пятой точки формуляр.

– Теперь нормально? – спросил ученый. – Изучай, приспособляйся, можешь щелкать чем угодно. Активны только вспомогательные источники энергии.

Хантер открыл инструкцию и с головой ушел в изучение машины.

Утром от пыльной бури не осталось и следа – ослепительное белое солнце било сквозь световые люки, веселые зайчики играли на металлических стенах. Подъемник вытолкнул посадочную платформу на крышу ангара. Хантер поднял истребитель в воздух и повел его над желтыми барханами Полигона.

На экране радара появились белые точки. Хантер выбрал единственный доступный в меню пункт – нейтронные пушки.

– Цели видишь? – спросил профессор. – Огонь!

– Залп! – закричал Хантер на флотском жаргоне и нажал на гашетку.

Вспышка – металлические обломки падают на землю, вздымая клубы пыли. Хантер развернулся и разнес еще несколько мишеней. В шлемофоне раздался довольный голос ученого:

– Пока хватит. Можешь полетать, освоиться с управлением. Сегодня испытаний больше не будет. Не забудь – завтра тебя ждут на «Тикондероге».

– А почему пушек всего две? И ракет нет.

– Оружие добудешь в бою. Моя система извлечет его из обломков вражеских машин. Видишь ли, дружище. Чтобы получить хотя бы это, нам пришлось пожертвовать жизнью не одного хорошего человека. Ракеты, увы, израсходованы при испытаниях. Так что не обессудь.

Истребитель превратился в пыльную хвостатую комету: Хантер помчался почти над самой землей. Внезапно он почувствовал полное слияние с машиной: она стала с ним единым целым. Прилив радости и энергии захлестнул его. Да, ради такого стоило пройти ад строевой муштры. Видел бы его сейчас рыжий Алекс!

– Ихххааа! – закричал Хантер, и перевернул истребитель вверх брюхом. Над головой замелькали волны барханов. Внезапно страшный удар сотряс кокпит. Индикатор компенсатора перегрузки сверкнул зловещим красным глазом. Взметнулся песок, полоска уровня защитного поля сильно просела.

– Надо бы осторожнее, – пробормотал Хантер.

Как только энергетические щиты восстановились, он разогнал машину до сверхзвуковой скорости и помчался... кто бы еще знал, куда. Наверное, на восток, если верить индикатору направления. Ударная волна срывала с барханов

верхушки.

Через час прямо по курсу показался океан. Под крылом поплыли песчаные пляжи. Наверное, стоит искупаться... Хантер плюхнул истребитель на берег, скинул бронекостюм и скептически посмотрел на свою мертвенно-бледную, как у покойника, тонкую руку. Согнул ее в локте, напряг: ух ты, после армейской физподготовки под кожей выступили зачатки бицепсов.

«Не сгорю, вечер уже» – подумал Хантер и решительно бултыхнулся в теплую, как парное молоко, соленую воду.

Так, ни о чем не думая, он валялся, пока солнце окончательно не склонилось к закату и небо не приняло причудливый малиново-зеленый оттенок. Пора было лететь обратно, но выбираться в печную духоту пустыни совсем не хотелось.

Вдруг на лицо упала тень. Хантер вылетел на берег, можно сказать, впереди собственного визга: десантный челнок, свистя вихревыми двигателями, коснулся пляжа широко расставленными посадочными опорами. На песок спрыгнул сержант Логан. Неизвестный пилот остался в кабине.

– Купаешься, ценный кадр? А если бы ты утонул? Или утопил истребитель в зыбучих песках? – сержант Логан распекал уорент-офицера, как новобранца.

– Да я все равно плаваю чуть лучше топора. От берега не отходил... Вы меня по радиомаяку нашли?

– Нет! Он выключен! Хорошо, что я подумал о море.

– Так! – Хантер схватил Логана за плечо. – Надо поставить

неотключаемый передатчик с независимым питанием...

Сержант захохотал:

– Салабон. Ты еще в ночную разведку с фонариком сходи. На твой маяк все враги слетятся, как пчелы на мед! Марш домой!

Хантер смутился и поплелся к истребителю. Под присмотром Логана он сменил легкий бронекостюм на полевую форму и удалился спать в просторную, но совершенно пустую казарму. Кажется, профессор говорил, что когда-то здесь хотели сделать филиал учебного центра для десантников, да не срослось. Иногда такое бывает.

Утром к Хантеру пришел сам Невтринос. Он, словно официант, принес кофе и бутерброды.

– Вставай. Позавтракаешь – и в путь. Я хочу вкратце рассказать тебе суть задания.

– Слушаю внимательно, – Хантер забыл о еде.

– Ты жуй, жуй. Силы тебе пригодятся. И вникай одновременно. Так вот: некоторое время назад начала пропадать связь с дальними планетами. Все их обитатели пропали, исчезли без следа. Разве что от некоторых остались черные пятна – словно их сожгли бластером высокой мощности. Случайно выжил лишь один человек: совсем юная девушка, талантливая художница. Кажется, ее звали Шейла.

– Вот бы с ней поговорить! – вырвалось у Хантера.

– Мы тщательно опросили ее. То, что она сообщила и нарисовала – бесценно. Стало ясно, что могущественная и вы-

сокоразвитая цивилизация из параллельного мира открыла портал, и готовится к полномасштабному вторжению в нашу Вселенную. Пока они используют рой маленьких летающих машин прямоугольной формы, но что будет дальше, неизвестно.

– Наверное, пришельцев можно уничтожить, – Хантер не спрашивал, он утверждал. – Иначе не было бы смысла впускать меня в это дело.

– Прямоугольные машины уязвимы, но их огромное количество. Никакого боезапаса не хватает. Когда мы нашли способ предсказывать, где откроется портал, то послали туда несколько истребителей. Никто не вернулся, но все же гибель наших людей не была напрасной: портал выплюнул обломки вражеской техники. Тогда мы создали «Луч» и начали искать пилота. Почему программа выбрала тебя – неизвестно. Мы разбираемся.

– Что за спешка? Может, сначала выяснить, что с программой, а потом...

Невтриносов развел руками:

– Последний пилот умудрился прожить достаточно долго, чтобы отправить нам сообщение. Судя по нему, вторжение начнется в ближайшее время. Когда? Понятия не имею. Может, даже сегодня. Мы словно идем через пропасть по тонкой доске, и не знаем, в какой момент она сломается. Лети, пилот. Действуй.

Хантер надел легкий бронекостюм, приколол к нему зна-

чок пилота, забрался в кабину «Луча» и запустил двигатели. Профессор включил подъемник. Истребитель вознесся вверх, на крышу ангара.

– «Лучу» старт! – раздался в наушниках голос Невтриносова.

– Есть старт!

Хантер вывел «Луч» на орбиту и лихо загнал его в шлюз крейсера «Тикондерога». Полковник Манн ждал в кают-компании:

– Крылышки пилота носят слева, – пробурчал он вместо приветствия. – Погонять бы тебя еще по уставам, разгильдяй!

Хантер моментально исправил ошибку.

Перед крейсером клубилась бездна, абсолютная чернота внутри нее, казалось, глотала тусклый свет далеких звезд. Неяркие серебристые космы, словно пряди седых волос, обрамляли зияющий провал. Что же это напоминает? Беззубую старуху? К счастью, пожилых людей Хантер видел только на картинках в учебнике истории. Люди перестали стареть с тех пор, как изобрели стабилизацию организма, и срок жизни увеличился в тысячу раз. Впрочем, биологией Хантер почти не интересовался.

– Ну, будь! Удачи! – сержант Логан хлопнул ладонью по перчатке бронекостюма и закрыл фонарь кабины. Хантер повернул фиксатор и почувствовал себя отверженным, отре-

занным от мира непреодолимой преградой.

Так бывает всегда – пока кокпит открыт, ты говоришь с друзьями, дышишь воздухом планеты или большого корабля. Но стоит закрыть фонарь, ты становишься чужим. Только радио или транссветовая связь доносят до тебя знакомые голоса.

– «Шершень-1», я «Гнездо». Готов? – раздалось в наушниках бронекостюма.

Последняя проверка по контрольной карте...

– «Шершень-1» готов!

– Пуск! Поехали!

Катапульта выплюнула маленький истребитель. Хантер поразился: огромный на первый взгляд портал оказался всего в несколько раз больше «Луча». Вот так обман зрения.

Чернота, в которой не было едва заметного света, всегда сопровождающего космос, заслонила собой все. Жуткая пустота ударила по глазам. Хантер испуганно посмотрел на сошедшие с ума приборы. Нет, зрение в порядке. Уже кое-что.

Чей-то голос безразлично произнес:

– «Шершень-1» вошел в портал. Больше я его не вижу!

Все...

Вспыхнул тусклый свет. Истребитель вывалился в трехмерное пространство, и Хантер едва успел уклониться от темно-синей скалы. Он поднял «Луч» на высоту и несколько минут с любопытством и удивлением разглядывал аляповатую, ядовитую картину чужого мира.

В обрамленной горами долине раскинулся город: хаотическое нагромождение разноцветных конусов, пирамид и куполов. Толстые опаловые иглы вонзались в светло-багровое небо. Время от времени внутри них проскакивала сапфировая молния, и розовые цветы разрядов распускались где-то внизу. На стенах и крышах висело что-то вроде колючей проволоки. Фиолетовые кольца оплетали постройки, создавая неповторимую игру контрастов.

Неужели эту красоту придется разрушить? Может, «они» ждут посланника, чтобы предложить мир и сотрудничество? Перед мысленным взором встало суровое лицо полковника:

– Тебе придется убивать. Безжалостно и беспощадно, – сурово говорил он. – Не задумываясь – никаких угрызений совести, никаких колебаний. Или ты, или они. Действуй решительно, смело и быстро. Как с подружкой, с которой ты в постели первый и последний раз. Убей врага! Это – приказ! Выполнить его – твой долг!

Тонко запищала система предупреждения об атаке. Полукруглые бочонки с уродливым подобием вытянутых рукплыли в воздухе, лениво покачиваясь из стороны в сторону. Они окружили истребитель, образовав что-то вроде кольца. Самому тупому стало бы ясно, что этот хоровод запросто может оказаться смертельным. Что ж, дорога вверх заказана, остается только падать.

Хантер швырнул машину вправо и вниз, проскочив между скал. Впереди – закрытые гермоворота. Во всяком случае,

очень похоже. Створки распахнулись, пропуская машину в призрачный сумрак.

На радаре появились отметки. Странный плоский прямоугольник выстрелил – зеленые трассы прорезали полутьму. Заскрежетали защитные поля. Хантер бросил истребитель в вираж, поймал врага в прицел и нажал на гашетку. Сверкнула вспышка и враг развалился на куски. Из стен выскочили еще несколько прямоугольников. Наверное, боевые дроны. Какие они тупые! Но как же их много! Истребитель завертелся волчком – Хантер не без труда превратил вражеские машины в груды лома.

В дальнем углу, точно пасть голодного зверя, распахнулась створка ворот. Хантер подивился рационализму неизвестных «сущест» – так он их мысленно назвал. Наверное, местные «волшебники» не хотели, чтобы пришелец ломал им двери! А может, у них была какая-то своя, недоступная человеку логика.

Истребитель вылетел в большой зал. Голубоватое сияние лилось откуда-то сверху. На полу валялся непонятный предмет, и Хантер прошел прямо над ним, пытаясь разглядеть подробности неизвестного механизма. Раздался металлический звук, сменившийся приятным жужжанием.

Прямо под залп выскочил знакомый прямоугольник. Хантер снес его и удовлетворенно хмыкнул: нейтронных пушек стало четыре! Разработанная Невтриносовым система работала великолепно. Противник, не желая того, сам снабжал

своего убийцу.

Уже через несколько минут все слилось в сплошную мешанину стрельбы, вспышек и разлетающихся обломков. Враг давил числом. Хантеру пришлось с боем пробиваться сквозь коридоры, залы и склады. Куда? Да кто его знает?

Истребитель проскочил над длинным черным цилиндром. Что-то жалобно звякнуло, на дисплее вспыхнула надпись «ядерные ракеты готовы, установите мощность боеголовки». Чего мелочиться? Хантер без колебаний выставил максимум и помчался дальше.

Дверь распахнулась, радушно приглашая его на бой. «Вперед – множественные цели», – сообщил информатор. Хантер мгновенно оценил обстановку, выбрал ядерную ракету, нажал на кнопку пуска и нырнул в укрытие, за емкость с ярко-голубой жидкостью. Помещение залил ослепительный свет, стены зашатались и завибрировали, но устояли. Зато крыша здания разлетелась вдребезги. Емкость лопнула, и светящаяся жижа хлынула на пол.

Истребитель швырнуло в сторону. Полоски защитных полей поползли вниз, и Хантер облегченно вздохнул: какое счастье, что он на всякий случай нырнул в укрытие. Нет, ядерными ракетами лучше не пользоваться. Надо приберечь их для кого-то большого и важного.

Оставляя за собой десятки разбитых дронов, кромсая оборудование, подбирая ракеты и снаряды к найденной на каком-то складе автоматической пушке, «Луч» проник в са-

мое сердце чужого города. Двери открывались одна за другой, схватка сменялась схваткой.

Внезапно гостеприимство закончилось: большие ворота остались замкнутыми. Хантер разочарованно вздохнул: неужели у «существ» есть что скрывать? Наверное, там какое-то сверхмощное оружие. Он нажал на гашетку, и залп нейтронных пушек разнес створки.

«Луч» влетел в зал размером с небольшой человеческий город, заставленный продолговатыми контейнерами с прозрачным верхом. Хантер подвесил машину в воздухе, пригляделся и онемел. Люди. Мужчины, женщины. Они замерли в пугающей неподвижности, залитые прозрачной желтоватой массой. Живые? Скорее всего, да. Какой смысл в мертвецах? Зачем они «существам»? Что они будут с ними делать? Может, дальше будет ответ? Или хотя бы ключ к ответу?

Хантер сделал что-то вроде круга почета: здесь, наверное, десятки, может, сотни тысяч пленников! А сколько таких «хранилищ» есть еще на планете?

Он повел «Луч» к разбитой двери, и мир вдруг сжался до размера одного-единственного контейнера. Сердце бешено застучало. Красавица... Пленница покоилась совершенно неподвижно, сложив на груди маленькие руки. От кокетливых ярко-красных ногтей было невозможно отвести взгляд. Хантер встряхнул головой, и вновь прилип носом к бронестеклу.

Пленница показалась воплощенной мечтой. Светлая, чуть розоватая кожа. Длинные золотые волосы разметались, на тонком лице застыла безмятежная улыбка и неподдельное счастье. Прижаться бы к ее чувственным, чуть пухлым губам, почувствовать тепло и аромат девичьего тела, ощутить радость объятий... Хантер понял, что влюбился с первого взгляда... Он любит эту девушку, любит всей душой, всем сердцем, несмотря на то, что даже не представляет себе, кто она и откуда. Какие у нее глаза? Синие, зеленые или карие? Какая разница?

Прицельная марка скользнула по контейнеру, и Хантер в ужасе убрал палец с гашетки: так можно только погубить людей. «Луч» не умеет изучать или освобождать. Он построен для грязной, негуманной работы.

Значит, придется вернуться позже, когда миссия будет окончена, и ученые доберутся в «хранилище». С помощью всемогущей науки они освободят узников и вдохнут в них жизнь. Тогда спящая красавица бросится на шею спасителю: принцу в мятой форме уорент-офицера. Будущее казалось радужным, только никто не знал, чем же все-таки закончится эта проклятая миссия.

Хантер бросил взгляд на часы – оказывается, он не спал больше полутора суток. Он глотнул питательную смесь и помчался дальше, отстреливая всех, кто попадался ему на пути. Почему-то усталости почти не чувствовалось – наверное в сладковатую жижку добавили стимулятор. Зато теперь пе-

ред глазами стояло лицо плененной красавицы. И это делало Хантера самым лучшим бойцом во Вселенной. Теперь он знал, за что сражается.

Дверь в стене открылась, и прямо в глаза ударила яркая зеленая вспышка. Подвешенная под потолком автоматическая турель одним выстрелом снесла половину защитных полей. «Луч» едва успел зависнуть маленькой нише за неправильными четырехгранными пирамидами.

Когда защита восстановилась, Хантер поднял истребитель. Отвратительный скрежет наполнил кабину. Кроме большой оружейной установки, по рельсам на стене катались еще четыре турели. Совместный огонь полностью уничтожил энергетические щиты. На крыльях остались несколько оплавленных отверстий. Хантер плюхнул «Луч» обратно: ловушка. Шансов нет. Попробовать ракеты? Самонаводящиеся, неядерные, разумеется. Не сидеть же здесь, в конце концов! И когда Хантер приподнял истребитель над ненадежной защитой, случилось чудо из чудес.

Время остановилось. Медленно и в полной тишине в прицел вплыли рельсы с автоматическими пушками. Ожидание захвата, казалось, длилось целую вечность. Наконец, из-под крыльев выскользнули две ракеты. Нос истребителя медленно, неторопливо повернулся и, прежде чем вражеские заряды ударили по броне, еще два самонаводящихся снаряда уплыли к автоматическим часовым. Повинуясь движению ручки управления, «Луч» медленно опустился в безопасную

нишу. В уши ворвалась приглушенная какофония звуков: гром разрывов боеголовок и удары вражеских залпов в стену.

Хантер выпустил еще две ракеты и бросил истребитель к стене, осыпая большую турель залпами нейтронных пушек. Обломки разлетелись в стороны – с орудийной установкой покончено навсегда. Несколько металлических листов ударили по «Лучу», оплавленные пробоины затянулись. «Броневая защита восстановлена» – сообщил информатор. Эх ты, Невтриносов. В руководстве об этом – ни слова.

Хантер осмотрел залитые резким фиолетовым светом ряды странных пирамид. Может быть это... яйца? Инкубатор? Палец лег на гашетку с написанной на ней надписью «залп»... стоп! Нельзя же убивать детей! Надежда на будущее, продолжение рода и – пламя, исходящее с неба?

Перед мысленным взором встал образ прекрасной девы в контейнере... Золотистые локоны, сложенные на груди маленькие руки с кокетливо покрашенными ногтями... Хантер нажал на гашетку, и бордовые пирамиды разорвало в клочья.

«Луч» вихрем пронесся по инкубатору. Яйца лопались, разлетались рваными ошметками, расплескивали зеленую и бордовую жижу. Понадобилось целых десять минут, чтобы вымести все начисто.

Внизу блеснуло что-то знакомое, земное... Хантер сбросил скорость и за синей матовой трубой увидел разбитый истребитель, как две капли воды похожий на «Луч».

Разбитый истребитель валялся возле стены. В крыльях

чернели оплавленные дыры. Внутри, задрвав голову, сидел мертвец. Человек словно пытался пробить взглядом потолок, чтобы в последний миг уходящей жизни увидеть недосягаемые звезды. «Нортон Гриффин» – прочитал Хантер надпись под кабиной, и увел машину прочь от инкубатора, ставшего могилой для отчаянного пилота.

Дальнейшие события Хантер воспринимал сквозь пелену нечеловеческой ярости и злобы. «Луч» опустошительным ураганом пронесся сквозь длинные тоннели и наполненные дронами залы, превращая в обломки вся и все.

Хантер научился бороться с огромными человекоподобными роботами, летающими бочонками и юркими треугольниками. Он уходил от управляемых ракет, уклонялся от залпов, прятался за колоннами и механизмами, встречая врага огнем. Противник огрызался. В лицо мчались разноцветные вспышки, трассы и молнии.

Скрежетали защитные поля, критически падал уровень энергии, и смерть была так близка, что, казалось, еще немного – и лезвие гигантской косы вспорет фонарь кабины. Но погибнуть – значит предать. Её.

Хантер не спал почти четверо суток. Усталость могильным холодом сковала тело. Лишь мысль о спящей красавице придавала сил. Один зал сменялся другим, и Хантер говорил себе, что в следующем он обязательно отдохнет. Нет. Очередная дверь гостеприимно приглашала его на новую битву.

Внезапно «Луч» вылетел в ярко освещенный коридор. Во-

рота, каждую створку которых невозможно было окинуть взглядом, остались закрытыми. Хантер ухмыльнулся и нажал на гашетку. Понадобилось четыре залпа нейтронных пушек, чтобы пробить прочный металл.

Хантер влетел в дыру с оплавленными краями и на секунду растерялся: размеры всего, что он видел в этом странном мире, меркли перед чертогом с прозрачным куполом и немислимым орнаментом на стенах.

У дальней стены, окруженное разноцветным сияющим туманом, шевелилось нечто, похожее на свернувшуюся в клубок змею. В человеческом лексиконе не нашлось слов, чтобы описать существо. К счастью, замешательство длилось всего секунду.

Чудовище открыло огонь. Хантер двинул ручку управления, и алый снап трасс промелькнул рядом с «Лучом». Ответный выстрел ракетой – она взрывается, не успев набрать скорость.

Воздух колыхнулся: десятки снарядов помчались прямо в лицо. Хантер, едва не раскрошив собственные зубы, направил истребитель прямо в пробитое им же отверстие. Дыра в металле стала центром вселенной. Надо успеть. Ставка – жизнь его невесты!

«Луч» проскочил ворота. За спиной загрохотало, машину подбросило и качнуло ударной волной. Створки распахнулись. Одну сорвало с петель, она медленно рассыпалась на части. Обломки усеяли пол.

Что же делать? Чудовище сбивает ракеты. А если выпустить все, что удалось накопить? Потом сигануть в маленькое окошко – и вон из атмосферы! Ядерных боеголовок двенадцать штук, на максимальной мощности должно неслабо рвануть. Потом всегда можно вернуться обратно в «чужой» город, и... Что дальше – Хантер не знал. Но надо действовать, надо что-то делать, иначе не удастся спасти её... Хантер щелкнул тумблером «полный залп» и выставил замедление.

Истребитель влетел в чертог и развернулся носом к чудовищу. И снова случилось чудо. В полной тишине, медленно и плавно, ракеты скользнули в сторону монстра. Хантер положил истребитель на крыло, и «Луч», неспешно набирая скорость, поплыл к узкому прямоугольному проему. Краем глаза было видно, как ошестинившееся алыми иглами существо пытается сбить смертоносные снаряды.

Справа и слева проплыли шершавые стены. Машина выскочила из чертога. Хантер поставил истребитель вертикально. Напрягая все силы, завывая вихревыми двигателями, «Луч» за считанные секунды выскочил в космос. Прямо перед носом открылась черная бездна портала – но только не того, маленького, а огромного, в половину неба, готового перебросить в Галактику людей бесчисленное количество монстров из параллельной Вселенной. «Существа» начали вторжение.

Хантер повернул голову и в ужасе заслонился рукой: город превратился в сплошной огненный шторм. А спустя до-

лю секунды вся планета забила в ослепительной агонии. «Луч» швырнуло прямо в косматую черную дыру. По глазам ударил немыслимый мрак...

Портал выплюнул истребитель и схлопнулся навсегда, изрыгнув язык белого пламени. Внизу, словно огромная карта, раскинулась поверхность незнакомой планеты – ориентировка была потеряна. Зеленые материки пятнали чистую голубизну океанов, облака рваными клочьями ползли над серыми пятнами городов.

Едва соображая от усталости, Хантер погасил орбитальную скорость. Истребитель провалился, за бортом вспыхнуло пламя воздушного торможения. «Луч» помчался над центром города – человеческого города! Солнце желтыми сполохами блеснуло в окнах домов – знакомых и незнакомых одновременно.

Хантер выпустил посадочные опоры и приткнул истребитель прямо посередине большой площади. Со всех сторон бежали люди. Настоящие люди! Хантер открыл фонарь, прыгнул на землю, шагнул и рухнул ничком.

Хантер никак не мог вспомнить безмятежное лицо сгоревшей в термоядерном пламени красавицы. Какие-то голоса мешали сосредоточиться на тонких чертах, маленьком, чуть вздернутом носике, глазах... какого цвета у нее были глаза?

– ...взгляд на две тысячи ярдов, полковник. Попробуйте

достучаться.

– Кларенс, друг, ты меня слышишь? – в мир боли ворвался чей-то отвратительно жизнерадостный голос, – Тебя наградили почетной медалью Генри Зае! За жестокость!

– Посмертно, – медленно и безучастно произнес Хантер. – Она погибла. Я ведь понял, для чего «существа» похищали людей. Им нужны были заложники! Гарантия того, что мы не разрушим их мир! А мы это сделали!

– Это война, и потери неизбежны, – пробормотал полковник и положил на тумбочку небольшую коробку и новый нагрудный погон. – Ты знаешь, таких наград всего две в Галактике!

– Хотел бы я знать, кто и за что получил первую.

Джеральд Манн состроил кислую мину:

– Об этом лучше не говорить. Давай о хорошем. Мы изучили запись бортовых камер. И знаешь, что?

– Понятия не имею.

– Неизвестно, сколько там было существ! Какая удача, что ты их того... всех в хлам! Термоядерная детонация атмосферы: на такое никто не рассчитывал. Нам повезло. Невероятно повезло.

– Зато мне – нет.

Полковник откинул одеяло, сел на койку и продолжил:

– Угадай, почему система выбрала тебя? Ты единственный, кто сэкономил боеприпасы! Никому не пришло в голову валить на тренажере корабль-матку пушкой! Когда мы это

поняли, то хотели тебя вернуть и отменить миссию! Но ты уже был далеко. На наше великое счастье.

Хантер оживился. Он сцепил пальцы в замок, сел и сказал:

– Ваша хитроумная система полна глюков! Ее надо дорабатывать!

Полковник вздохнул.

– Наверное, надо. Но теперь нам некуда торопиться. Миссия завершена, угроза устранена. Надеюсь, ты останешься в Десантном Корпусе пилотом. Вы нам нужны, первый уорент-офицер Кларенс Т. Хантер!*

– Я хочу окончить университет и поехать на практику. Мне остался последний курс.

– Не смею препятствовать. Но сначала – лечиться! Как ни говори, а полные психи в Десантном Корпусе ни к чему.

– Можно подумать, вам подойдут слегка сдвинутые по фазе, – вырвалось у Хантера.

Полковник не сдержал улыбку.

– Сегодня «Тикондерога» стыкуется с базой. Через пару дней прилетит врач – Лилианна Андреевна Тимофеева. Медицинское светило галактического масштаба. Вдвоем вы сядете на транспорт и полетите на Питон-4 – в санаторий.

Хантер почесал в затылке и сказал:

– Не хочу. Можно мне лечиться на Полигоне?

Полковник выразительно пожал плечами:

– Странное пожелание – вместо курортной планеты лететь в забытую всеми дыру. Но если Лилианна Андреевна сочтет

возможным, пожалуйста. Прошу простить, мне пора идти. Завтра из экспедиции возвращается крейсер «Бodega-бэй»*. Меня переводят на него командиром десантной группы.

– Поздравляю, – Хантер выдавил что-то вроде жуткой улыбки.

– Тринадцать лет кораблик где-то болтался, – сказал полковник и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Хантер достал из коробочки медаль. Тяжелая. Интересно, что это за сплав? На лицевой стороне звездолет на фоне термоядерного взрыва бомбил планету с орбиты. На обороте сияла надпись: «За жестокость».

– Да уж, – сказал Хантер сам себе.– Пожалуй, такой наградой можно гордиться.

Он откинулся на подушку и закрыл глаза. Снова спящая красавица улыбалась ему сквозь прозрачную стенку контейнера, снова «Луч» мчался по чужим коридорам, и в который раз мир за бездной сверкнул ослепительным пламенем.

* Может показаться, что Галактическая Конфедерация только и делает, что воюет. На самом деле Звездный Флот и Десантный Корпус многофункциональны. Они выполняют функции МЧС, обеспечивают безопасность при исследовании планет, проводят дальнюю разведку. В общем, выполняют самую грязную работу. Не зря желающих сменить «рутину на романтику» находится не очень много.

* Генри Зае – древний император, который прославился

тем, что завоевывал планеты, разрушая их ковровой термоядерной бомбардировкой с орбиты. Медаль его имени выдается человеку, уничтожившему целиком враждебную цивилизацию. Впрочем, существование императора не подтверждено. (На самом деле это пасхалка).

* Пилоты в десантном корпусе на вес золота. К сожалению, их работа считается одной из самых тяжелых и непрестижных. Разумеется, и полковник, и профессор Невтринов начали рвать бедного Хантера на части. Тем более что профессор давно мечтал получить на Полигон постоянного пилота.

Проверка

Неприветливая пустыня Полигона встретила челнок дрожащим маревом над ослепительной желтизной песков. Хантер сам повел машину на посадку: он не доверял никому. Особенно коллегам – пилотам Десантного корпуса.

Когда впереди внизу показалось рябое пятно – мрачные серые купола Центра разработки вооружений, Хантер связался с диспетчером и, получив добро, приземлился точно в середине белого круга с цифрой «четыре». Сидевший сзади второй пилот облегченно вздохнул. Всем своим видом он показывал, что рискованная манера пилотирования Хантера пришлась ему не по душе.

Едва челнок успел коснуться опорами посадочной площадки, из устья тоннеля выскочил огромный мужчина с квадратным лицом. Сам профессор Невтриносов! Вот это да!

Опустилась грузовая рампа. Хантер пригладил ладонями мятую форму, спрыгнул на землю и протянул руку:

– Здравствуйте, профессор! У меня сейчас ботинки расплавятся.

– Дружок! Это нормальная погода для здешних мест. Я начал бы переживать, если бы вдруг повеяло прохладой.

Челнок взвыл вихревыми двигателями, поднялся и начал лениво набирать высоту.

– Слабак! – презрительно сказал Хантер о втором пилоте. – Мямля! Всю дорогу тряся, а теперь еле шевелится, как будто у него полный трюм горного хрусталя. Кстати, хорошо ведь, для меня на «Адамантине» нашлось свободное местечко. Не то бы я прилетел парой недель позже. Говорил ведь полковнику, что мне нужен собственный звездолет!

– Будет тебе и белка, будет и свисток.

Профессор дернул Хантера за рукав и нетерпеливо зашагал по тоннелю. Наконец ученый распахнул дверь кабинета. На ней, сверкая позолоченными буквами, красовалась новенькая табличка: «профессор Невтриносов Т. Ф. Директор».

– Что вы мне хотели показать-то, Трофим Федосеевич? – Хантер едва отдышался после пыльной жары наверху.

Невтриносов открыл холодильник и поставил на стол блюдо с ядовито-зелеными плодами размером с ноготь большого пальца.

– Ты плохо выглядишь. Подкрепись немного, – сказал он с ехидной улыбкой.

Хантер недоверчиво лизнул покрытую мелкими ворсинками кожицу. Раскусил один плод, и рот скособочило, будто внутри взорвалась бомба, начиненная лимонной кислотой. Глаза едва не выскочили из орбит. Профессор быстро плеснул в стакан воды, сам же с аппетитом прожевал пару «термоядерных» даров природы.

– Не нравится? По-моему, так ничего.

– У меня нет слов, – спокойно сказал Хантер. – Это все, зачем вы меня оторвали от важных дел? Проверить, придется ли мне по душе вырвиглазный фрукт?

– Это ягода. Постой-ка... Ты вроде любишь пострелять, так ведь?

– Вроде как. Разве это важно?

– Очень! – оживился профессор. – Я бы сказал, чрезвычайно важно.

Приложив палец к считывателю ДНК, Невтриносов сунул голову в недра огромного сейфа. Хантер с трудом подавил желание отвесить профессору пинок и захлопнуть за ним массивную дверцу.

Наконец ученый почесал квадратный подбородок и воскликнул:

– Эврика! Нашел!

Хантер взял в руки непонятный продолговатый прибор с ремешком для запястья.

– Новейшее оружие. Моя личная разработка! – воскликнул профессор. Его глаза сияли, как у ребенка, который сложил трудную головоломку. – Боевой разрядник плюс пусковая установка миниатюрных ракет. Есть встроенный фонарик. Ну, так, на всякий случай.

– Не очень удобно. Оружие должно быть в форме хотя бы пистолета, а не пульта с кнопками, – Хантер повертел невзрачную конструкцию и почувствовал к ней странную симпатию. Техническую, разумеется.

– Плата за компактность. Рукоятка сильно увеличивает габариты. О точности не беспокойся: вспомни, куда обычно попадает молния.

– Куда попало, – съехидничал Хантер.

Ученый навис над ним, как падающая башня:

– Но-но! Попрошу без глупых шуточек, первый уорент-офицер Хантер! Ты откомандирован в мое распоряжение, забыл?

– Я в армии человек случайный... просто поменял рутину на романтику. Так я могу попробовать?

– На испытаниях разберешься. Симулятор уже готов. Ракеты возьми! – профессор швырнул на стол пояс с чехлом с красным крестом и подсумком. – Ракеты ядерные, вернее, аннигиляционные. С ними будь осторожнее.

– Ядерные? А... они точно нужны?

Невтриносов задумался. Потом ответил?

– Наверное, нужны. Проверить нужно все.

– Зачем в симуляторе аптечка?

– Вечно ты спросишь так, что не знаешь, как ответить.

Входит в комплект снаряжения! Вот и все! Ступай!

Профессор отошел к дальней стене и нажал на рукоятку массивной стальной двери.

Хантер озадаченно почесал в затылке электродами разрядника:

– Постойте, разве вход в симулятор находится у вас в кабинете?

Невтриносов схватился за голову и застонал:

– Вали уже! Мне лучше знать, что у меня и где!

На секунду Хантеру показалось, будто на лице профессора мелькнуло выражение острой жалости и вины.

Загудел и лязгнул электромагнитный замок. Раскрылась внутренняя дверь. Хантер надел на руку ремешок, затянул его, чтобы не потерять ценный прибор, и шагнул в крошечную тьму. Перед глазами промелькнула радуга, словно кто-то плеснул в лицо светящейся краской. Что это за симулятор? Новая модель?

Далеко впереди замаячила призрачная серая муть. От холодного, сырого воздуха перехватило дыхание. Хантер включил фонарь, и яркий луч осветил мрачные, увитые плющом и лианами каменные стены. Обстановка пугала и в то же время вызывала желание идти дальше. Возвращаться, не исследовав подземелье или пещеру, не хотелось.

Сделав несколько неуверенных шагов, Хантер почувствовал на затылке чей-то пристальный взгляд, обернулся и посмотрел вверх. Два блестящих глаза с жадным интересом рассматривали человека. Хантер сдвинул предохранитель, и тонкий противный писк эхом отозвался во всех уголках огромного зала. В канале направляющего луча заискрились пылинки. Ионизатор! Как без него? Нужно же создать проводящий канал для электрического разряда.

Черная тень метнулась в прыжке. Хантер вдавил кнопку, и фиолетовая молния на секунду осветила летящую тварь с

почти человеческим лицом и длинным жалом. Разряд прожег жуткое создание и ушел в стену.

От яркой вспышки в глазах заплясали цветные круги. Сквозь безумное мельтешение Хантер едва разглядел, как дымящаяся, обугленная туша монстра выбросила извивающееся щупальце и раскрылась, противно чавкнув.

Хантер испустил дикий вопль и рванул, что есть силы на свет, туда, откуда едва заметный ветерок доносил сырую прохладу. Он бежал, не разбирая дороги...

Внезапно земля ушла из-под ног. Сердце, только что бешено стучавшее где-то в районе пяток, прыгнуло к горлу и перекрыло дыхание. Наверное, конец.

Вода – мягкая субстанция лишь на первый взгляд. Но если влететь в нее на большой скорости, ее гладь становится тверже бетона. Можно запросто переломать себе кости.

От удара Хантеру показалось, будто из него вышибло дух. Он кое-как вынырнул и отчаянно забултыхался в черной, обжигающей ледяным огнем, воде. Течение ударило его о стену, рука скользнула по мокрому, скользкому камню. Хантер нащупал упругую ленту, свисающую до самой воды, и начал взбираться по ней, точно по канату. Кое-как, едва не упав обратно в реку, он выбрался на твердую землю – на край почти отвесной скалы и несколько минут лежал неподвижно, сжимая в руке разрядник. Понемногу силы восстановились.

Кто-то большой, массивный, громко плеснул в подземной реке. Хантер направил вниз яркий белый луч, но увидел

только пробежавшую по зеркальной поверхности рябь. Потом посветил вверх и задрожал вовсе не от холода, несмотря на то, что одежда промокла насквозь.

К потолку приклеились два пульсирующих бугристых мешка. Далеко вниз из зубастых пастей свешивались фиолетовые, похожие на веревки, щупальца. Вот значит, что послужило спасительным канатом. Но какая удача, что чудовища спали, а может, уже проглотили кого-нибудь из местных обитателей и сейчас переваривали пищу. Придется с ними разобраться. На всякий случай Хантер снес разрядом обоих монстров и едва увернулся от летящих в лицо чьих-то обгорелых костей.

Молния зажгла серо-зеленую завесу плюща на отвесной стене. Хантер протянул к огню замерзшие руки. Улыбнулся сам себе, наслаждаясь блаженным теплом.

Когда, наконец, разум снова обрел способность мыслить, жуткая, почти нереальная догадка ржавым гвоздем врезалась в мозг: это не симулятор! В имитации реальности нельзя промокнуть!

Плющ быстро прогорел. На секунду огонь ярко вспыхнул и погас, осветив все закоулки почти прямоугольной пещеры с гладкими стенами. В дальней стене, между двух сверкающих кристаллов, темнело круглое отверстие.

Хантер вставил в отверстие разрядника ракету из патронташа и зашагал к выходу.

Стены мало-помалу расступались. Хантер по твердым,

острым даже сквозь ботинки, камнем добрался до трещины в сплошном камне и выполз в широкое ущелье между шершавыми серыми скалами. Где-то далеко алели горные вершины, залитые огромным оранжево-красным солнцем. Ничего себе – красный гигант! В какой же звездной системе он находится?

Совсем рядом что-то зашевелилось, и Хантер, не веря самому себе, протер глаза. И еще раз. Видение не исчезло.

По каменистой тропе уныло брел слоненок – таких много в зоопарках на самых разнообразных планетах. Печального вида создание осторожно двигалось вперед, ощупывая хоботом небольшие валуны. Вдруг существо свернулось в двухметровый шар и бесшумно метнулось к остолбеневшему Хантеру. Он вскинул руку и нажал на кнопку.

Электрический разряд оставил на блестящей, словно полированной, поверхности черное пятно. Монстр снова стал «слоником», издал странный звук, похожий на резкое «пш-пш» и выпустил струю жидкости. В нос ударил запах формалина. Хантер успел прыгнуть в сторону, и едкая смесь лишь слегка зацепила одежду.

«Слоненок» махнул хоботом. Хантер упал навзничь и взвыл от резкой боли, пронзившей левую ногу до самого бедра. Над головой нависли острые серые скалы.

«Слоник» отскочил назад и снова зашипел, поливая жертву формалином. Вонючие брызги едва не попали в глаза. Хантер сжал зубы и надавил на кнопку оружия – фиолетовая

молния ударила прямо в извивающийся хобот. То, что у нормального животного называлось бы головой, превратилось в бесформенную головешку.

Еще разряд – существо съежилось в потемневший ком и, подсакивая, покатило прочь. Хантер попытался выстрелить ракетой, но, к счастью, монстр не излучал тепла. Умная электроника, сердито буркнув, запретила пуск.

В ущелье воцарилась полная тишина. Лишь ветер едва слышно шелестел в скалах.

Закусив губу, Хантер прижал анализатор автоматической аптечки к распухшей и посиневшей лодыжке. Вспыхнула надпись «анестетик и коллаген введены, рекомендуется обратиться в ближайший стационарный медпункт». С тем же успехом аптечка могла бы порекомендовать найти здесь ресторан. Больно, но терпимо. Что ж, надо двигаться дальше.

Впоследствии Хантер вряд ли сказал бы, сколько он, чертыхаясь и кряхтя, хромал по усыпанному камнями дну ущелья, пока не наткнулся на массивную металлическую дверь. Каким образом она оказалась в скальном массиве?

– Доберусь до профессора – выскажу ему все, что думаю, – пообещал сам себе Хантер и потянул блестящую ручку задвижки.

Дверь легко распахнулась. Внутри тусклым синим светом горели аварийные лампы. Ага, раз есть электричество, значит, где-то есть и генератор. Причем, что самое любопытное, рабочий.

Хантер, хватаясь за абсолютно гладкие серые стены, заковылял по бесконечному тоннелю. Несколько раз он останавливался, глубоко вдыхал прохладный воздух, и вновь двигался дальше, пока не уперся в еще одну дверь. Щелкнул замок.

Перед измотанным вконец Хантером, словно пещера Али-Бабы, открылся ярко освещенный зал. Абсолютно пустой, если не считать двух массивных башен нейтринных генераторов и самого большого сокровища во Вселенной: открытого сверху резервуара с водой. Только сейчас Хантер понял, как хочет пить. Он нагнулся и несколько минут жадно глотал прохладную воду. На коже тут же выступил пот. Силы вернулись, зато сломанная нога разболелась так, что хотелось кричать.

Хантер, отчаянно кряхтя, проковылял в короткий коридор и выбрался в ущелье по другую сторону горы. И встретился с новым монстром.

Чудовище было огромно. Белесая, с голубоватым гребнем голова, возвышалась над окружавшими ущелье скалами. И страшное, окутанное кровавой дымкой существо двигалось в практически полном и от того неестественно жутком безмолвии.

Удивительно, что Хантер не чувствовал страха. Наверное, предыдущие встречи с местной фауной высушили душу. Он быстро поднял разрядник и нажал на кнопку пуска ракеты.

Головка наведения захватила цель, хлопнул вышибной за-

ряд. Ракета синей бабочкой трассера рванулась в свой смертный путь. Хантер, насколько ему позволяла больная нога, заковылял назад, в тоннель. Он едва успел добраться до двери, как белая вспышка залила коридор с силой десятка полуденных солнц.

Игла ужаса кольнула в сердце. И тут же вместо страха пришло успокоение, рабская покорность судьбе. И когда ударная волна швырнула Хантера в каменную стену так, что спина отозвалась незатихающей болью, он принял смерть, как нечто само собой разумеющееся, обыденное. Как избавление.

И все же Хантер остался жив. Видимо, основная часть энергии, отраженная скалами, ушла высоко в небо. Но и того, что осталось, хватило с лихвой, чтобы сломать, изувечить хрупкое человеческое тело. Хантер попытался пошевелить ногами, но они не слушались, словно кто-то выключил всю нижнюю часть тела.

Это конец. С такими увечьями нет никакой надежды выжить. Но Хантер не сдавался: нечеловеческое упрямство, страшное желание отомстить Невтриносову за страдания застлали разум и заглушили боль.

Кровяной сгусток мешал дышать. Хантер кашлянул, дернулся от боли, сплюнул и пополз. Цепляясь руками за неровности пола, подтягивая непослушное тело, он добрался до распахнутой двери и вывалился в освещенный зал. Какая удача, что он, разгильдяй этакий, забыл повернуть задвижку.

Ему едва хватило сил добраться до резервуара с водой, но подняться и промочить пересохшее горло он так и не сумел. Жалкие полтора метра стали равны высотам самых недоступных горных вершин.

В голову навязчиво лезла мысль, что профессор – блестящий исследователь, и великий экспериментатор, чего-то недобрал, как цивилизованный человек. Жаль, что теперь вряд ли будет возможность высказать коварному ученому правду в лицо.

Хантер вытащил из патронташа ракету, и попытался вставить ее в пустое отверстие разрядника. В другое время он сделал бы это одним движением руки, но сейчас пружина фиксатора превратилась в почти непреодолимое препятствие. Усилий искалеченного тела едва хватило, чтобы ракета защелкнулась в металлической трубке. Что ж, легкую смерть надо заслужить. Теперь достаточно нажать на кнопку...

Но система наведения второй раз за день отменила пуск, отказавшись даровать избавление своему владельцу. Предохранитель? Хантер застонал, поднял голову и, что было сил, ударился ей о бетонный пол. Увы. Он даже не потерял сознание.

Вдруг дверь распахнулась, и чей-то удивленный голос воскликнул:

– Живой человек!

Хантер приподнялся и уставился на двух рослых десант-

ников. На их мужественных лицах явно читался страх.

Один из военных, в ненавистной всем курсантам форме сержанта, пошарил в подсумке для ракет и зачем-то заглянул в аптечку:

– Есть маяк! Мы спасены, капрал! Спасены!

Стараясь ступать как можно мягче, солдаты вынесли Хантера на каменистое плато между серых скал. Туда, где совсем недавно ракета настигла чудовище.

От каждого шага невольных спасателей темнело в глазах, но физические страдания были ничем по сравнению с яростью, и рука изо всех сил сжимала разрядник.

В розовом небе засияла фиолетовая звезда, она пролилась радугой, и залитые красным солнцем скалы неизвестной планеты сменились пустыней Полигона. Значит, все. Спасен.

Десантники потащили Хантера в медицинский центр. Но прежде кто-то очень жестокий наступил ему на руку так, что хрустнули кости, и вырвал разрядник из бессильно разомкнувшихся пальцев.

«Объект Кларенс Т. Хантер, углеродная органическая форма жизни, сканирован и закодирован. Общая масса 62 килограмма.

Состав:

кислород – 39 кг,

углерод – 11.78 кг,

водород – 5.58 кг,

азот – 3.1 кг,

кальций – 0.62 кг,

фосфор, сера, натрий, хром, магний, железо, йод, фтор,

бром, марганец, медь, селен...

Оцифровка...

Список повреждений сохранен в файл.

Дематериализация...

Коррекция повреждений...

Предварительная сборка...

Переполнение, аварийное завершение программы...

Запуск программы «К»...

Восстановление...

Коррекция повреждений...

Предварительная сборка...

Материализация...

Окончательная сборка завершена, объект Кларенс Т. Хантер успешно восстановлен и откорректирован. Нажмите любую клавишу».

Металлическая дверь коррекционной камеры с жужжанием отъехала в сторону. Абсолютно голый Хантер прежде, чем кто-либо успел его остановить, выбежал в коридор. Какая-то девушка в ужасе прижалась к стене, пропуская безумца. Позади раздался топот ног.

Хантер влетел в кабинет профессора и схватил лежащий на столе разрядник. Щелкнул предохранителем, навел ору-

жие на омерзительно ухмыляющуюся рожу и нажал на кнопку... Ничего не произошло.

Профессор тяжело вздохнул и разжал ладонь. На ней блеснул боевой модуль:

– Я предпринял кое-какие меры предосторожности.

Хантер бросился вперед, схватил ученого за горло и стал душить. В комнату ворвались десантники. Двое дюжих солдат с трудом оторвали его от профессора.

– Ну-ну, не стоит так переживать, – ученый прокашлялся. – Ты принял участие в очень ответственном эксперименте. Я бы даже дал тебе вторую медаль. Несмотря на то, что на планете не было никаких монстров.

– Как... никаких? Не может быть...

– Все, что ты видел – твои страхи, не более того. Местные существа – живущие на скалах зверушки размером с ладонь. Они способны воздействовать на разум, пробуждая спрятанные в подсознании угрозы.

– Но я убивал их собственными руками! Я видел, как чудовища сгорали!

Невтриносов вышел из-за стола, слегка помятый, но улыбающийся и вальяжный:

– Ты просто хотел это видеть.

– А как же моя нога?

Профессор сердито сдвинул брови:

– Ты сам ее сломал о камень, пока боролся с собственным воображением. А уж выстрелить ядерной ракетой в нагретую

солнцем скалу – очень умно с твоей стороны.

– Кто бы мне еще сказал... – злобно процедил Хантер.

– А если бы ты знал, не стрелял бы? – ухмыльнулся Невтриносов, – Впрочем, не было бы счастья... атомный взрыв спугнул или уничтожил существо, промывающее тебе и тупым, как пробки, десантникам мозги.

– Значит, все это – галлюцинации, что ли?

Профессор постучал себя по лбу.

– Именно так, ха-ха-ха. И ты, как распоследний болван, позволил местной мелюзге себя надуть. Если человек дурак, это навсегда.

Мертвая хватка десантника неожиданно ослабла. Хантер, хотел двинуть профессора в челюсть, но вместо этого выругался так грязно и вычурно, что стоявший рядом солдат поднял вверх большой палец. Невтриносов сокрушенно покачал головой и пробормотал что-то вроде «посттравматический стресс».

Хантер кивнул, попросил у сержанта куртку, и побрел в пустую казарму, связав на манер смирительной рубашки длинные рукава. Никто его не остановил. Только десантники шли позади, как часовые. На всякий случай они остались дежурить у постели больного.

Хантер проснулся посреди ночи. Какая-то мысль, странная, скребущая подсознание догадка не давала ему покоя, адским огнем жгла мятущуюся душу. Немного покрутившись, он сел на койке и буркнул десантникам:

– Я немного погуляю. Не надо только за мной ходить: я смиренный. Можете спать, если хотите.

Дойдя до медблока, Хантер сел на стул и начал медленно размышлять вслух, тщательно проговаривая каждое слово:

– Значит, тварюшки воздействуют на разум. Вроде ничего необычного в этом нет – кто знает, кто там встречается. Но откуда им известно о человеке? Нет, не так. Людей они, без сомнения, видели.

– Кларенс, друг, – сонный голос дежурного фельдшера-оператора прервал раздумья. – Три часа ночи. Дай поспать, а?

– Дебби, какое счастье, что здесь именно ты. С Лилианной Андреевной не поболтаешь: они с профессором заодно. Теперь слушай меня внимательно. Если когти, зубы или электрические разряды будут работать во всей Вселенной, то более тонкие воздействия требуют настройки на конкретную нервную систему или биохимию. И эти настройки тысячами вырабатываются эволюцией.

– Что ты хочешь сказать? – Дебби села на койке, накинув на плечи одеяло.

– Видишь ли, капля зарина убивает человека, воздействуя на фермент холинэстеразу. Но у многих негуманоидов нервный импульс передается по-другому, и зарин для них не опаснее простой воды. А подсознание – куда более сложная материя.

– Совпадение?

– Скорее, я напишу научно-фантастический роман, тыкая наугад в клавиатуру. Но вероятность не нулевая, особенно если обитатели планеты разумны. Бегом к медстанции, мне нужен характер повреждений моей ноги. Посмотри, можно ли их получить, ударившись о камень!

Хантер рванул стальную дверь и включил питание. Пальцы фельдшера пробежали по клавиатуре:

– Записи... стерты. Пусто. Ничего нет. Ты где? Эй, Кла-ренс?

– Хорошо, что вы не успели уничтожить отходы, – ответил Хантер, вываливая содержимое мусорного контейнера прямо на чистый пол.

– С тем тарарамом, что ты устроил, было не до них. Кстати, Невтриносов, едва вышел из медстанции, заявил, что подаст рапорт командованию: ему нужен пилот. Тем более такой как ты, с нестандартным мышлением. Наверное, тебя переведут сюда, на Полигон.

Хантер медленно встал, держа в руках изодранную куртку. Помещение наполнил острый запах формалина.

– Спасибо за помощь, Дебби. Я знаю, какую награду потребовать у профессора. Пусть только рискнет мне отказать. Я его в порошок сотру, интегралы считать заставлю. Придумал же тайную спасательную операцию... и выиграл ведь! Все было на самом деле! Это местные «слоники» облили меня формалином!

– Зачем им это?

– Понятия не имею. Яд у них такой. Или просто вместо «здравия желаю». Можно немножко... нет, много пафоса?

– Может, ты сперва вылезешь из мусора?

Хантер усмехнулся. Впервые после Миссии он понял, что все еще может улыбаться!

– Я среди отбросов общества чувствую себя таким значительным... И так: отныне и навсегда верным спутником и товарищем странствующего рыцаря станет... угадай с трех раз, кто? Разумеется, боевой разрядник. Со встроенной ракетной установкой, куда уж я без нее? Мне так понравилась эта пушка, что я на все готов ради нее!

– Вот шут гороховый, – едва выговорила Дебби сквозь приступ неудержимого смеха.

Хантер накинул на себя пропитанную формалином куртку, прошел к выходу, вернулся в казарму и лег спать. Он еще не решил, оставаться ему на Полигоне или нет.

Отказ

Хантер нахально влетел в кабинет профессора Невтриносова. Тот сосредоточенно ковырял вилкой вермишель с котлетой. Ученый насупил брови, сокрушенно покачал головой и выложил на стол молоток.

– Зачем это? – растерянно спросил Хантер.

– По голове себе постучи, дятел! Тебя вежливости не учили? Я обедаю, а ты врываешься без предупреждения! Но, раз уж заявился, присаживайся! Подождешь, пока я поем.

– А я ведь не ел с самого утра. Я ведь только что с верфи: мне наконец-то соорудили звездолет. Даже осмотреть не успел. Вдруг сообщение: «беги сюда срочно». Я и примчался. А вы тут меня пинаете...

– Не переводи стрелки, хорошо? Раз я сказал, срочно, значит так надо. Но постучать в дверь мог бы.

Хантер осторожно сел на краешек стула. Профессор тщательно прожевал котлету, запил ее соком и только тогда продолжил:

– Хантер! Правда, что ты не жалуешь систему виртуальной реальности? Предпочитаешь давить на реальные кнопки? Почему?

– А вам какое дело? Я же не упрекаю вас в пристрастии к стрелочным часам, – огрызнулся Хантер.

– От моих часов не зависит эффективность в бою, – спо-

койно ответил профессор.

– Бой – дело другое. Но почему-то именно в реальном бою вы не удосужились оснастить экспериментальный истребитель подобной системой.

– Не было времени, – ученый развел руками. – Твой звездолет готов?

– Не совсем. Нужно кое-что опробовать. Я придумал ему хорошее имя: «Призрак».

– Штамп на штампе. Знаешь, сколько в реестре «Призраков»?

– Слово «Призрак» может обозначаться по-разному на разных языках. Названия Wraith нет ни у кого. Оно уникально, я сам проверил в реестре. Более того, так не назывался ни один звездолет во все мыслимые времена.

Профессор посмотрел на Хантера, если не как на психа, то как на законченного чудака:

– Ясно. Сегодня инженеры смонтируют на твоём аппарате систему полного слияния. Её нужно испытать.

– Это как – полного слияния? – растерялся Хантер.

– А это результат твоих... гм... художеств во время лечения от посттравматического синдрома. Документацию получишь позже. А пока... держи! Подарок! – ученый протянул молоток.

Хантер изумленно воззрился на инструмент:

– Мне он совсем ни к чему...

– Будешь таскать его везде, пока не научишься хорошим

манерам! Он будет напоминать, что в двери надо сначала стучать, а лишь потом заходить. И если я увижу тебя без молотка – пеняй на себя! Свободен!

Сложное оборудование для обслуживания звездолетов есть только на верфях и в специальных ремонтных доках. Но исследовательские центры были, разумеется, исключением. В них было все необходимое для работы с летающими лабораториями. Не все верфи могли похвастаться таким изобилием приборов и материалов.

«Призрак» раскрыли, точно пластиковую модель и подвесили верхнюю часть на технологических захватах. По нижней сновали ремонтные дроны, ловко монтируя систему. Их тонкие лапки-манипуляторы работали со скоростью, недоступной человеческим рукам. То там, то здесь сверкали вспышки диффузионной сварки.

Хантер печально смотрел на разобранную звездную машину. Ему казалось, что роботы копаются в его собственных внутренностях.

Кто-то коснулся плеча:

– Тяжелый истребитель класса «Центурион»? Ты его из музея украл, что ли? Он ведь устарел много веков назад. Даже выглядит, как древний реактивный самолет.

Хантер подпрыгнул едва ли не до потолка и резко повернулся: перед ним стоял высокий молодой человек с бородкой.

– Питер Джастин Самнер, научный сотрудник! Можешь звать меня Пиджей! – отрекомендовался он. – Я буду наблюдать за испытаниями. По распоряжению профессора, естественно.

– Как тебя звать? Пиджин, то есть, голубь? – съехидничал Хантер. – Как интересно. Голубь мира на Полигоне. Это что-то.

Питер нахмурился:

– Взрослый же человек, Хантер, а несешь такую чушь... Как маленький!

– Откуда ты меня знаешь?

– Невтриносов приказал найти белобрысого хохмача с молотком. Все очевидно! – едко сказал Пиджей.

В ответ Хантер надулся и с гордостью произнес:

– Это не совсем «Центурион». Уникальная машина. Творческая переработка старинного истребителя во вполне современный дальний разведчик-изыскатель. А выбрал я эту модель, потому что аэродинамическая форма и складные плоскости делают его способным летать в газовой и жидкой атмосфере. К тому же на борту куча оружия. Оно лишним не будет.

– По-моему, жидкая атмосфера называется океан. В нем плавают, если что.

– С точки зрения звездолета без разницы. Еще вопросы?

– Можно хоть немного тепла в голосе?

Хантер пожал плечами:

– Я попробую, Пиджин. Идемте в столовую. Я больше не могу смотреть, как потрошат мое творение.

Хантер зашагал по коридору. Питер едва поспевал за ним.

– Профессор давно мечтал о летающей лаборатории. Вместе с пилотом, – сказал Пиджей. – Но почему именно ты, я не понимаю. После истории с разрядником я бы лично вымел тебя поганой метлой. Ты бы у меня всю оставшуюся жизнь разводил цветочки.

– Может, он знает что-то, чего не знаешь ты? – спросил Хантер и распахнул дверь комнаты, которая по традиции называлась столовой.

К вечеру андройды закончили монтаж. Верхняя половина корпуса легла точно в направляющие нижней. Подвешенный на захватах звездолет вплыл в динаatronную камеру – обработка делала его способным противостоять вселенским катаклизмам. На несколько секунд в окошке вспыхнуло тусклое сияние. По корпусу пробежал голубоватый луч сканера. Раскрылись металлические створки, и транспортер-платформа вывезла «Призрак» на посадочную площадку.

Утром Хантер вежливо постучал в дверь кабинета профессора. Молотком.

– Войдите! – раздалось в ответ.

Хантер осторожно протиснулся внутрь.

– Вот так бы всегда, – ухмыльнулся Невтринос и указал на стул. – Как спалось?

– Спасибо за беспокойство, – как обычно съехидничал Хантер и положил молоток на стол. – Замечательно. Я всегда быстро засыпаю перед ответственным заданием, сути которого мне никто не удосужился объяснить.

– Нет времени на разговоры. Включишь систему – поймешь сам, что делать. Программа испытаний защита в бортовой компьютер.

В дверь постучали. Ученый крикнул «войдите!» и в кабинет, задыхаясь от быстрого бега, влетел Питер.

– Наконец-то явился. У меня, похоже, одни разгильдяи работают! Хантер, бери напарника и начинай испытания, – раздраженно сказал профессор.

– Э... Мне не нужен второй пилот...

– Не беси меня... – прорычал Невтриносов. – Марш на испытания! Живо!

Хантер метнулся к двери.

– Куда? – остановил его профессор. – Молоток не забудь!

Открыв наружную дверь шлюза, Хантер пригласил напарника внутрь и неожиданно схватил его за руку:

– Слушай, будь другом! Принеси мой коммуникатор! Я забыл его у профессора. А я пока приготовлю машину.

Питер скрылся в крытой галерее. Хантер показал ему нос, нажал на кнопку блокировки двери и поднялся в кокпит. Пару минут он пытался пристроить молоток, чертыхнулся и просто положил его на консоль. В конце концов, искусственная гравитация не даст инструменту свалиться на пол при

любых маневрах.

Засвистели вихревые двигатели. Под крылом поплыли песчаные дюны, горизонт подернулся голубоватой дымкой. Хантер глянул на дисплей: кто-то уже ввел в навигационную систему данные. Он прибавил тягу, вывел звездолет на сверхзвук и остроносая машина, громыхая ударной волной, помчалась к белеющим на горизонте вершинам гор.

Интересно, как работает пресловутая «новая система»? Хантер поерзал в кресле и на всякий случай пристегнулся. Откинул защитную крышку, чуть помедлил, повернул переключатель и воспарил над заснеженными скалами.

Звездолет исчез. Руки превратились в атмосферные плоскости, тело стало фюзеляжем, ноги... да кто знает, куда они пропали? Вместо собственного биения сердца Хантер ощутил ровную мощь реакторов и вихревых двигателей. Разум соединился с бортовым компьютером и заработал быстрее вспышки ядерного взрыва. Полное слияние с машиной...

Хантер... а может быть, «Призрак», нырнул в разлом и помчался в извилистом коридоре, ловко уворачиваясь от покрытых трещинами стен. Прямо перед носом вырос черный прямоугольник с белым кругом – учебная мишень. Удар нейтронными пушками – каменные обломки черными брызгами разлетелись во все стороны. Мимо! Да что такое!

Руку-крыло свело судорогой. От боли потемнело в глазах... или сенсорах. Хантер попытался взвыть, но рот пропал куда-то вместе с остальным телом.

Звездолет ринулся в подернутое белесой дымкой небо и начал выписывать немыслимые фигуры пилотажа. Хантер попытался переключить управление, но у него не было рук! Нервные импульсы терялись где-то внутри взбесившегося компьютера. И раз система управляется сознанием, единственный способ выбраться из передрыги – потерять его.

Любой другой человек потерпел бы фиаско. Но Хантер всегда воспринимал разум и тело, как нечто обособленное друг от друга. Он воткнул в раскол воображаемый лом, и, раскачивая его из стороны в сторону, начал расширять зияющую брешь между плотью и душой. Наконец боль повисла где-то далеко...

Хантер попытался выключить компенсатор перегрузок. Он возжелал этого всем сердцем, всей душой и страшная сила вбила его в кресло так, что затрещали кости. Голова взорвалась десятком сверхновых, и Хантер очутился в кабинете профессора. Ученый, заложив руки за спину, ходил взад-вперед по кабинету, а на стуле, виновато повесив голову, съежился Питер. Он-то здесь причем?

В ушах раздался неприятный шум, будто ураган гнал по ковру миллионы бумажек. Где-то далеко вспыхнула звезда, и поток белого света вбил Хантера в самого себя...

Он долго висел в кресле на ремнях. Все тело ныло, словно кто-то долго и методично избивал его ногами. Особенно досталось голове: пульсирующая боль сверлила череп, волнами растекаясь до самых плеч. По лбу, заливая глаза, текло

что-то мокрое, теплое и противное.

Хантер вытер непонятную субстанцию и кое-как разлепил глаза. Звездолет застрял в расселине и лежал на боку, задрав к небу уцелевшую атмосферную плоскость. Центральный дисплей кричал желтым и красным цветами: аварийная защита погасила оба реактора. К счастью, корпус остался не поврежден.

На консоли управления валялся молоток со следами крови. Хантер ухмыльнулся через боль: вот что треснуло его по голове! Очень удачно: как ни говори, лучше получить по тылке, чем стать похожим на плоского слизня в зоопарке Тилля. С перегрузками шутки плохи.

Недолго думая, Хантер откинул защитную крышку и потянул желто-черную ручку. Три секунды, и катапульта отстрелит заостренный нос вместе с кабиной пилота.

Позади негромко бахнуло, кресло больно ударило по спине. Краем глаза Хантер успел заметить летящий прямо в лицо молоток и нагнул голову. Инструмент загремел где-то сзади. Засвистел аварийный двигатель. Горизонт вернулся в привычное положение. Внизу поплыли зубья горных вершин. Они постепенно становились все ниже и ниже, кряж перешел в плоские холмы, и в равнину, засыпанную бесконечными желтыми песками.

Энергии хватило на половину пути. Капсула резко снизилась и запрыгала по барханам. Наконец, словно странный бобслейный снаряд на финише, она замерла на вершине пес-

чаного холма. Едва улеглась пыль, Хантер выключил аварийный маяк, проверил систему жизнеобеспечения и спустился вниз, в шлюзовую камеру. Достал аптечку, прижал ее к рваной ране над правым виском и зашипел, словно разъяренный кот. Медицинский клей – это больно. Нет, очень больно. Зато сразу останавливает кровь.

Обработав свои раны, Хантер вообразил себя рыцарем на привале после сражения с неведомым чудовищем. Он положил китель под голову, свернулся калачиком в углу шлюзовой камеры и уже через несколько минут спокойно посапывал. Ему снилась золотоволосая принцесса с закрытыми навсегда глазами. Она лежала в наполненном прозрачной жидкостью контейнере и ждала только его. Он протянул руки, но его избранница вспыхнула жарким пламенем и превратилась в обгорелый скелет...

Хантер закричал и очнулся на металлическом полу спасательной капсулы. Подавив приступ тошноты, он выбрался в кабину и скривился от боли: под черепом будто кто-то пересыпал мелкие, но очень острые камешки.

С любопытством глянув на россыпь звезд в черном, как вакуум, небе, Хантер щелкнул переключателем аварийного маяка, пристегнулся и уставился на светлую полосу над горизонтом. Он еще никогда не видел рассвета здесь, на Полигоне.

Понемногу сияющая полоса ширилась, росла, меняя цвет от красного до лимонно-желтого. Внезапно звезды разом

погасли. Где-то далеко сверкнула зеленая вспышка, словно солнечный луч прошел через кристалл изумруда. Наконец над горизонтом поднялся ослепительный диск, заливая все вокруг обжигающим светом. Глубокие тени барханов изрезали пустыню. Белесое небо приняло свой обычный нежно-голубой оттенок.

Потрясенный Хантер сидел, раскрыв рот, пока на него не упала тень. Только тогда он поднял глаза и увидел транспортный челнок с эмблемой Звездного флота. Зажужжали захваты, и гравитационный луч втянул капсулу в трюм.

Нетвердо ступая, словно приноравливаясь, куда ставить ногу, Хантер вошел в кабинет профессора. Невтриносов посмотрел ему прямо в глаза и хлопнул по столу ладонью:

– Марш в медстанцию! После поговорим.

– Мне вроде и так хорошо.

– У тебя нистагм, – сквозь зубы процедил профессор.

– Чего у меня? Ну вот, теперь мы с ним точно ни на что не пригодны, – съехидничал Хантер.

– Глаз у тебя дергается. Сотрясение мозга. С ним не шутят! В медблок, быстро!

Хантер оперся о стену и умоляюще сказал:

– Трофим Федосеевич, выслушайте, пожалуйста! Забыть могу! Вопрос жизни и смерти! Кто-нибудь когда-нибудь пользовался спасательными капсулами на малых звездолетах? Есть статистика?

– Зачем тебе это? – изумился сбитый с толку профессор.

– В аварийных накопителях недостаточно энергии. Если бы дело произошло на орбите, я бы оставил нехилый кратер посреди пустыни. Проектировщики этого чуда, наверное, сами в космос и не собирались. Я ведь использовал типовую конструкцию. Она давно не менялась! И это на боевой машине!

Ученый раскрыл рот. Когда к нему наконец вернулся дар речи, он тронул себя за подбородок, будто проверяя, хорошо ли он выбрит, и сцепил пальцы в замок:

– Мда... Гм... Ничего себе заявления... А раньше ты об этом сказать не мог?

– Без контрольного эксперимента? Что бы меня подняли на смех? – Хантер пошатнулся и начал сползать по стене. Ученый бросился к нему, подхватил и усадил в кресло. Сел напротив и примирительно сказал:

– Но ты нас здорово напугал! Представляешь, нашли «Призрак», а там тебя нет. Кстати, нам пришлось обращаться за помощью к флоту!

– Ну, я же не виноват, что в центре разработки вооружения нет собственных челноков!

– У нас нет пилота... – начал было профессор, но Хантер перебил его.

– И не будет. Думаете, я здесь останусь после ваших издевательств над моим хрупким организмом? Как выключить систему слияния, так сказать, изнутри?

– Это невозможно! – резнул профессор. – Для чего я, по-твоему, хотел послать с тобой Питера? В случае необходимости он должен был выключить систему простым механическим тумблером. Просто снять с нее питание! А ты, между прочим, обманул напарника!

– Это для его же блага. А если бы с ним что-то случилось? Человек не должен застревать в компьютере! Нужен выход!

– Но ты же справился. Нашел решение?

– Чистая удача! Счастье, что мне в бестолковку прилетел молоток раньше, чем позвоночник высыпался в трусы от перегрузки! В общем, как только «Призрак» починят, я вас покину. Полечу на верфь – дорабатывать спасательную капсулу. И домой. На базу.

– Но испытания завершить ты обязан, – сказал профессор. – Почитай приказ.

Хантер откинулся на спинку кресла. В глазах плыло, Невтриносов говорил как будто откуда-то издалека.

– Нет, – прошептал Хантер, едва не теряя сознание. – Это больно. Я не могу. Боюсь.

– Понимаю, – сказал ученый. – Но надо. Я уменьшу реакцию болевого контура или даже отключу его... временно, конечно.

– Хорошо, коли так...

– А почему ты не надел бронекостюм? А если нарушение целостности корпуса? – быстро спросил ученый.

– Если какая-то сила проломит корпус, мне ничто не по-

может. С тем же успехом можно надеть легкий водолазный костюм в батискафе, – Хантер опустил голову на грудь и закрыл глаза.

Невтриносков достал коммуникатор и ткнул пальцем в экран. В кабинет въехал робот-каталка. Хантер, вскочил, в глазах потемнело, он увидел себя, бессильно повисшего на спинке кресла, и попробовал закричать. Но рта у него не было...

Удар сердца

Хантер, еле переставляя ноги, брел в густом полумраке коридора звездной базы. Расположенная чуть в стороне от Тилля – одной из главных планет Галактики, она использовалась, как штаб и как перевалочная база для грузов. Сюда же швартовались крупные крейсера и транспорты. Здесь был один из филиалов учебного центра. Именно его планировали перенести на Полигон, но пока этот вопрос висел в воздухе до лучших времен.

Хантер наткнулся на стену. Какой смысл так сильно затемнять лампы «ночью»? Не лучше ли поставить датчики движения? Пусть они загораются, когда кто-то идет по коридору, и гаснут, когда никого нет. Надо сказать об этом командиру.

– Уорент-офицер Кларенс Хантер! – повелительный голос прорезал мертвую тишину и кнутом хлестнул едва мерцающее сознание. Хантер остановился и поднял взгляд на нектости попавшегося офицера.

– Полковник Манн! Легки на помине. Я только что думал, как бы мне вас найти? Хочу поговорить насчет освещения!

– А я думал, когда же ты, наконец, перестанешь позорить форму десантника? Мог бы ее хотя бы постирать, раз выглядеть слишком сложная задача для тебя!

– Я всего лишь скромный пилот, – ответил Хантер, пы-

таясь разлепить веки. – Если вы поймали меня в коридоре только для того, чтобы сделать внушение по поводу обмундирования, так знайте: я целые сутки катал по учебному планетоиду взвод болванов под командованием лейтенанта Гормана – сущего кретина...

– Не стоит оскорблять офицеров. Горман просто новичок. Притрется.

– Если не погибнет в первой же или второй реальной вылазке...

– Если... Отставить разговоры! Есть важное дело – вне службы, – перебил полковник. – Ты должен срочно доставить меня на Полигон.

– Регина, аве Мария! У меня нет сил, командир! – возопил Хантер. – Разве только если вы хотите, чтобы я раскокал и вас, и звездолет. А мне его жаль. Он у меня совсем новый.

– К сожалению, нет времени, – нетерпеливо сказал полковник. – Мне надо успеть... ты в курсе, что умер профессор Невтриносов?

– Туда ему и дорога, – Хантер зевнул и протер пальцами глаза.

– Я знаю, что у вас были натянутые отношения, но нельзя же так...

Внезапно Хантер подскочил, словно его ткнули иглой ниже спины:

– Что вы сказали? Кто умер?

– Начальник Центра разработки вооружений профессор

Невтриносов, – раздельно проговорил полковник.

– У них же есть демортификатор – ну, та машина, которой восстанавливают погибших солдат. Новая. Второй... или даже третьей модели.

– Что-то пошло не так. Церемония погребения...

Не говоря более ни слова, Хантер бросился в док. И прибежал первым.

Оставляя за собой огненный след, звездолет камнем падал на ослепительно-желтые пески Полигона. Засунув ноги под себя, скрючившись в совершенно немыслимой для нормального человека позе, Хантер вцепился в ручное управление. Не обращая внимания на команды диспетчера, он вел окутанную белым сиянием машину к грязно-серым куполам Центра. Только бы успеть... Сидевший в кресле навигатора полковник Манн сонно прикрыл глаза.

Но вместо унылого бетона посадочной площадки, Хантер увидел пеструю толпу. Церемония погребения уже началась. Еще немного – и Невтриносова уже не спасти. Никак.

Горизонт запрыгал, звездолет запахал по песку, взметая клубы пыли. Хантер дернул рычаг аварийного сброса двери и, как только сработали пироболты, понесся, не чуя под собой ног, в сторону погребальной процессии.

Украшенная розами и гибискусами капсула с телом профессора стояла на тележке, готовая к загрузке в дезинтегратор. Хантер не поверил своим глазам: на лице покойного за-

стыла... улыбка!

– ... мы предаем огню тело достойнейшего члена общества, споспешествовавшего прогрессу и процветанию Галактики! – отдуваясь и периодически приглаживая пышные черные усы, распинался коренастый тип в строгом костюме. – Необратимая и безвременная кончина вырвала его из наших рядов!

– Стойте! Стойте! – закричал Хантер, хватая ртом горячий воздух. – Инспектор Дастин Мэйн, вы не можете его вот просто так...

Тишина, и без того стоявшая на площадке, стала оглушительной. Десятки пар глаз уставились на Хантера.

– Ничего нельзя сделать, – отрезал усач. – Не мешай нам. Хантер в отчаянии обвел толпу взглядом.

– Лилианна Андреевна! – умоляюще закричал он, увидев знакомое лицо. – Пожалуйста, скажите ему! Вы же врач!

Высокая женщина в темном, украшенном астрой платье, печально покачала головой:

– Он прав, Кларенс. Как бы мне ни хотелось не говорить банально, но в нашем случае медицина бессильна.

В ее пустых, словно выгоревших, глазах блеснула слеза.

– Я должен сам в этом убедиться! Необходимо повторить...

– Мы не можем прервать церемонию ради хотелок жалкого пилота! Полковник Манн, будьте добры, избавьте нас от своего подчиненного. Любыми способами!

Но прежде, чем полковник успел открыть рот, Хантер выхватил боевой разрядник. Люди шарахнулись в сторону.

– У меня здесь ракета. Ядерная. Никто не уйдет обиженным, – скучно, словно читая лекцию в планетарии, пояснил Хантер.

– Ты маньяк! – прошептал инспектор. – Угрожать заместителю председателя Совета развития! Это неслыханная наглость! Хватайте его, Манн!

– Дасти, ему достаточно отпустить кнопку, и от нас всех даже пепла не останется. Рискните сами.

– Я буду жаловаться! Я сообщу в Совет!

– Если не вознесетесь в стратосферу, – зловеще улыбнулся Хантер. – Впрочем, я сам накатаю клязу.

– За что? – вытаращился Дасти. Весь его апломб словно сдуло горячим дыханием пустыни.

– За то, дружище, что вы и пальцем не пошевелили для спасения достойного члена общества, спо... спе... как его там... эээ...

– Споспешествовавшего, – угрюмо отозвался инспектор.

– Именно, – беспощадно продолжил Хантер. – Где вы таких слов нахватались? А еще мне очень интересно, как вы и вся ваша медслужба проворонили смертельную болезнь профессора? Почему его не обследовали? Медицинская коррекция – пара пустяков, если она сделана своевременно!

– Ну, ты же знаешь Невтриносова... – весь гонор Дасти куда-то испарился. – Он человек увлеченный. Иной раз его

и на десять минут не вытащишь.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Хантер. – В общем, это вы во всем виноваты. Давайте-ка перенесем тело в медблок. Я один не справлюсь: больно шеф огромный.

Спустя десять минут полковник выдернул бьющееся в конвульсиях тело из демортификатора, и, глухо крикнув, швырнул в передающую камеру медицинской станции. Зажужжал и защелкал сканер.

«Признаки жизнедеятельности отсутствуют, коррекция невозможна» – выдал умный аппарат. Уголки губ профессора расплылись в улыбке и застыли.

– А я думаю, чего у него рот до ушей? – Хантер задумчиво почесал в затылке разрядником.

– Парез лицевых мышц, – официально и холодно ответила Лилианна Андреевна. – Это бывает при разрыве аневризмы в мозгу.

– Разрыве чего, простите?

– Аневризмы, – повторила врач. – Сосуд у него лопнул в голове. Ясно?

Хантер не ответил. Напрягая все силы, он вытащил грузную тушу из телепода прямо на пол, вошел внутрь и приказал включить сканер.

– Время кодирования двадцать восемь и две десятых! – крикнул Хантер, как только металлическая дверь с прозрачным окном отошла в сторону. – Смерть наступает через... нам не хватает жалких пяти-шести секунд.

– Это мы и так знаем. Стоило ради этого мучить профессора целых четыре раза? – издевательски поинтересовался инспектор.

– Я думал, в какой-то момент он проживет достаточно долго. Пожалуйста, отнесите труп в морг. Пусть прохлаждается.

– Может, мы прекратим весь это балаган? – вскричал Дасти.

– Нет. Я знаю, что здесь что-то не то. Надо искать лазейку, – печально сказал Хантер.

– Я согласна с пилотом! – в потухших глазах Лилианны Андреевны вдруг вспыхнула мольба пополам с надеждой. – Он ведь прав: мы сдались слишком быстро.

и понуро побрел к выходу.

Увязая в песке, он шел к уткнувшемуся носом в бархан звездолету. Ярко-белая, словно козье молоко неизвестной степени свежести, луна – единственный спутник Полигона, выглянула из-за атмосферного стабилизатора. Длинная тень коснулась ботинок.

Стоп! Откуда это дурацкое сравнение с вкусным и полезным, но совершенно неуместным продуктом? Наверное, прочитал где-то в литературе. Может, попробовать писать рассказы? Это утопия. Такая же, как восстановление профессора. В обоих случаях не хватает совсем чуть-чуть.

Через открытый проем в шлюз надуло немало пыли. Наверное, не стоило сбрасывать дверь – вон она валяется мет-

рах в пяти от звездолета. Ставшие бесполезными кабели электрического привода бессильно свисают вдоль борта, уходя под фальшпол. Впрочем, все это ерунда: пятнадцать минут не очень интенсивного ремонта.

В лицо пахнуло холодным воздухом, и Хантер подставил ледяному порыву разгоряченное лицо. Через несколько минут словно обжигающий кулак ударил в лицо: явный признак пыльной бури.

Вот уж повезло, так повезло: никто не осмелится добраться до него, пока серая круговерть безраздельно властвует над пустыней! А сейчас очень не хочется выслушивать чьи-то нравоучения. И даже красавица Лилианна Андреевна кажется ведьмой, способной уничтожить, раздавить мощью науки любые попытки воскресить несчастного ученого.

Хантер задраил за собой внутренний люк и поднялся в каюту, освещенную лишь тусклым светом дежурных ламп. Лег на койку и, как только голова коснулась подушки, уснул беспокойным сном. Мозговой шторм проблемы так и не состоялся...

Когда Хантер очнулся, буря была в самом разгаре. Черная кутерьма, прорезаемая фиолетовыми молниями, металась на экранах наружного обзора. В горле стоял отвратительный ком, и Хантер сгенерировал самый отвратительный кофе, который смог найти в памяти регенератора-синтезатора. Как раз под настроение.

Проглотив похожий на техническое масло напиток, он

снова лег на койку, взгромоздил на живот портативный компьютер и, словно перед трудным экзаменом, открыл сразу несколько технических справочников. Нужно освежить в памяти принцип действия демортификатора. В университете медицинским приборам не уделяли много времени.

Итак, машина определяет момент смерти, «перематывает» ленту времени назад и возвращает человека в состояние, когда он был еще жив. В случае гибели от, например, огнестрельной раны все работает, как надо: пуля прилетела извне. В новой точке времени-пространства ее нет. Но с аневризмой дело обстоит по-другому: она внутри тела и лопается сразу после «процедуры» воскрешения. Организм умирает быстрее, чем сканер медстанции успевает перевести тело в цифровой код. Что же делать?

Через несколько часов Хантер почувствовал, что еще немного – и он сбрендит от медицинских и физических терминов. И никаких идей, никакого результата.

Сам не зная зачем, Хантер полез в шкафчик над койкой. Среди разного хлама под руку попало что-то холодное, стальное, грубое.

На ладони лежал револьвер – некогда грозное, а ныне, в мире бластеров и разрядников, жалкое и беспомощное оружие с планеты со смешным названием Земля. Подарок друга... как же его звали?

Хантер откинул дверцу и провернул барабан – все патроны были на месте, в своих каморах. Можно стрелять. И даже

застрелиться.

Озарение ударило в мозг, словно лопнувшая аневризма. В голове завертелась веселая песенка.

Хантер на радостях выхватил из регенератора-синтезатора самый лучший кофе с бисквитами и устроил себе грандиозный пир во время пыльной бури. За несокрушимой броней жалкая и ничтожная природа пыталась устроить конец света, а Хантер глотал чашку за чашкой, щелкал барабаном револьвера и глупо улыбался самому себе.

Утром Хантер поднялся в кабину и убедился, что пыльная буря закончилась. Над Полигоном ярко светило солнце. Термометр показывал дикую жару. Хантер выскочил наружу и, потрясая револьвером, помчался к тоннелю, ведущему в главный коридор Центра. Он добежал до медицинской станции и закричал: «Я знаю, знаю, что делать! Начинаем эксперимент!»

Лилианна Андреевна покорно села за пульт. Полковник Манн и Дасти принесли тело. Профессора уложили в демортификатор. Крышка захлопнулась. Аппарат зашипел и щелкнул.

Хантер взвел курок и приготовился. Всем своим существом он чувствовал напряжение, повисшее в медицинском блоке.

Крышка демортификатора приподнялась. Время остановилось, и мир застыл в безмолвии. Хантер нажал на спусковой крючок. Медленно, неторопливо, курок двинулся впе-

ред. Ударник наколол капсюль. Пуля блеснула в свете ламп. Из дула вырвались пронизанные красноватыми блестками клубы порохового дыма. Хантер не слышал выстрела. Только эхо гулко летело по коридорам, едва восстановился нормальный бег времени. Несколько секунд ничего не происходило, потом крышка откинулась в сторону. Профессор лежал неподвижно, в его виске темнела дырочка. Струйка крови стекала на ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.